

Военные
Приключения

БАГТРОВАЯ ЗЕМЛЯ

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

Военные приключения

Борис Сопельняк

Багровая земля (сборник)

«ВЕЧЕ»

2012

Сопельняк Б. Н.

Багровая земля (сборник) / Б. Н. Сопельняк — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Гражданская война – самая жестокая из войн. Гражданская война на Востоке – жестока вдвойне. Главный герой романа «Багровая земля», военный журналист, отправляется в командировку в Афганистан. И это обычное, казалось бы, задание неожиданно превращается для журналиста в самое настоящее испытание. Испытание на стойкость, мужество, чувство долга и справедливости, независимо от того, с кем ему пришлось столкнуться – с солдатами республиканской армии или с противостоящими им моджахедами. Повесть «Чистилище» рассказывает о безрадостной, жестокой и непредсказуемой судьбе главных жертв Второй мировой войны – военнопленных. И неважно, кто они – русские ли, американцы или немцы...

Содержание

Багровая земля	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Эпизод № 1	12
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Эпизод № 2	22
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Глава восьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Борис Сопельняк

Багровая земля

©Сопельняк Б.Н., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Багровая земля

*Я иду туда, где бои,
Где земля от крови багрова,
Где коварная тишина
Громче самого грома.*

Асадулла Хабиб

Глава первая

Борода росла преступно медленно. Каждое утро Рашид с отвращением подходил к зеркалу, неприязненно разглядывал свое бледное с пугающе злыми глазами лицо и яростно тер редкую, колючую щетину. А злиться было отчего. Ежедневно Рашид узнавал о новых жертвах – жертвах, которые он мог бы предотвратить, если бы... родился с бородой.

– А что, – невесело шутил он с близким другом Саидакбаром, – душман¹ без бороды – не душман. Значит, хадовец², чтобы не расшифровали, должен тоже явиться на свет с бородой и быть правовернее самого Аллаха.

– Если бы не знал тебя, как облупленного, то мог бы подумать, что имею дело с неврастеником, – удовлетворенно покручивая пышные усы, заметил Саидакбар. – Как врач тебе говорю: ускорить рост бороды невозможно... Впрочем, фантастическое везение с удостоверениями заранее предусмотреть тоже невозможно. Ты вспомни, как мы выбирались из Метер-лама – в пистолетах было по одному патрону.

– Да-а, – вздохнул Рашид. – По одному патрону и по одному другу. Скажи честно, – сузил он глаза, – смог бы ты пристрелить сперва меня, а потом себя?

– Нет, это не по мне. Я врач и должен спасать людей, а не убивать.

– А я инженер! Думаешь, у меня внутри все не переворачивается, когда приходится ставить к стенке земляков?

Спокойный, собранный Саидакбар вдруг трахнул кулаком по столу и закричал:

– Зверье! Шакалы! Трусливые ублюдки! На, читай последнюю сводку, – бросил он на стол несколько листков. – На базар Мазари-Шарифа привели навьюченного ишака. В хурджунах³ – мины. Ишак и двадцать горожан – в ключья, сорок человек попали в госпиталь.

– Хватит! – вскочил Рашид. – Я и так словно раскаленный кинжал. За все спросим. У-ух, как спросим! А теперь к делу. Давай-ка трофейные газеты, журналы, листовки, приказы – будем изучать противника.

Саидакбар вышел в соседнюю комнату. А Рашид пометался по кабинету, зачем-то проверил лежащий на столе пистолет, с некоторой долей удивления взглянул на меня, что-то вспомнил и виновато приложил руку к сердцу:

– Извини, совсем замотался. Слушай, а тебе это интересно? Может, пока не поздно, откажешься от своей затеи?

---

¹ Душман (перс. «враг») – название участников вооруженных формирований, сражавшихся с советскими и правительственными войсками в Афганистане в ходе гражданской войны в этой стране 1979–1989 гг.

² ХАД – служба государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан.

³ Хурджун – сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон и украшенная бубенчиками. Состоит из двух частей (мешков), носимых через плечо.

– Нет, не откажусь, – упрямо мотнул я головой. – Мы же договорились: во время операции я ни во что не вмешиваюсь, буду только твоей тенью. А раз так, то мне интересно все, что интересно тебе.

– С тенью ничего не выйдет. Дней через десять я уйду. Без тени! – с нажимом добавил он. – А чтобы ты не скучал, предлагаю побывать в договорных бандах.

– Как это? – не понял я. – Разве такие банды существуют?

– Существуют, и в немалом количестве. Мы их даже подкармливаем.

– Чем?

– И продуктами, и оружием.

– Зачем? – изумился я.

– Чтобы они перешли на нашу сторону.

– И переходят?

– Переходят. И даже сражаются с теми, кто еще не поднял наш флаг.

– Просто не верится. Ведь несколько банд могут объединиться и так наказать перебежчиков, что не останется ни стариков, ни детей.

– То-то и оно, что не могут. Ладно, придет время – сам в этом убедишься. Как думаешь, Азиз, – обратился он к Саидакбару, раскрывая псевдоним, под которым тот действовал, – куда его направить?

– А стоит ли? – усомнился Азиз. – Ведь стопроцентных гарантий душманы не дают. Хорошо еще, если просто убьют. А если переправят в Пакистан? Если придется нашему русскому другу отрабатывать хлеб и воду, сочиняя пасквилы?

Пауза была длинной. Я так и не понял: испытывают меня или проигрывают возможные варианты? Если испытывают, надо заорать, запустить в Азиза стулом или, на худой конец, послать «по матушке». А если это серьезно? Тогда на кой черт вся эта затея?! Впрочем, винить некого: сам ввязался в историю, которая не просто на грани, а за гранью дозволенного.

* * *

...Этот день я буду помнить до гробовой доски. И хотя на моих глазах никто не умер, подлеца не объявили героем, а ближайший друг не оказался мерзавцем, именно этот день, если так можно выразиться, стал днем большой стирки. Сколько накипи, гари и сажки, сколько многозначительного пустословия и глубокомысленной ерунды смыл я в этот день с души!

Есть в Кабуле Центральный госпиталь Вооруженных сил Афганистана, построенный в 1975 году при содействии Советского Союза. Он был рассчитан на четыреста коек, и это название – «Четыреста коек» – почему-то прижилось, афганцы называли госпиталь именно так.

Отлично спроектированное семиэтажное здание фасадом выходило в большой парк. Мы шли по тенистым аллеям, любовались искристым фонтаном, прохладным бассейном, многоцветными клумбами, но чем ближе подходили к зданию госпиталя, тем сильнее меня охватывала смутная тревога. Из репродукторов лилась музыка, сновали туда-сюда миловидные медсестры, пробегали озабоченные врачи, а на лоджиях вдоль всего фасада тянулись ряды полосатых пижам. Я не мог понять, что со мной, но шаг почему-то становился короче, а оживленная беседа сама собой затухала.

– Загорают ребята, – бросил кто-то.

«Сфотографирую», – решил я и поднял аппарат с телеобъективом.

Когда навел на резкость, в глазах потемнело, а сердце сжалось. На лоджиях – сотни молодых ребят. Я увидел их шевелящиеся губы, улыбки и... бесконечные ряды обрубков рук и ног. Вот на стуле совсем юный паренек выставил на солнце сразу две культи: ноги оторваны выше колен. Вот чьи-то руки без кистей... Обрубки ног, рук, обезображенные лица и опять розовые

культи.... Мне бы остановиться, вернуться назад, но я решил поговорить с этими ребятами. Вот их рассказы.

Баймухаммад, девятнадцатилетний солдат из кишлака Хушдаред:

– Я таджик. У меня есть жена, мать и сестра. Кормить их теперь некому. В армию пошел добровольно. Два года воевал – и ни одной царапины. А тут... не повезло. Атака. Нас прижали пулеметами. Кому-то надо встать. Обычно это делает командир, но его убило. Тогда поднялся я. Бегу, лавирую между очередями, до душманов – рукой подать. И вдруг взрыв! Как оказалось, я наступил на мину. Ребята потом рассказывали, что я бежал и без ноги. Понимаю, что это невозможно, но подорвался я метрах в тридцати от душманов, а подобрали меня в их расположении.

Мухаммад Захер, старший лейтенант. В палате на шесть коек он единственный грамотный человек. Мухаммад сидел в кресле-каталке, выставив на солнце обрубок правой ноги, а левую, закованную в гипс, неловко вытянул вдоль стены. Он громко читал газету, иногда отрываясь от страницы и что-то объясняя своим соседям. О себе рассказывал скупно:

– Мне двадцать пять. Воюю семь лет. Член Народно-демократической партии. На окраине Герата был очень тяжелый бой. Нас окружили. Огонь такой плотный, что подняться невозможно. Но я встал. Поднялись и солдаты. Из окружения мы вышли, но последние метры я скакал на левой ноге – правую оторвало. Когда ее принесли, я был в сознании. Подержал, повертел в руках и велел закопать. Левая нога тоже дырявая, но врачи обещают сохранить. А с одним протезом можно воевать. Так что я обязательно вернусь в строй. И не одному душману перегрызу глотку! – закончил он. – Но мы ладно, мы солдаты. Как говорится, кто кого. Но при чем здесь они? – кивнул Мухаммад в сторону соседнего балкона.

Смотреть на крохотные детские культы страшно. Глаза стекленеют, в горле комок и, кажется, вот-вот разорвется сердце. Закричать бы на весь белый свет: «Люди-и! Что же вы делаете?! Ведь на такое и звери не способны!» Но из горла идет какой-то сип, и все силы уходят на то, чтобы не расплакаться на глазах у детей. А они, будто ничего не понимая, неловко перекатываются на подстилке, грызут яблоки, что-то говорят, а губы их время от времени растягивает улыбка. Но глаза! Боже, какие у них глаза! Сколько в них муки, боли, немого недоумения – за что? Что я сделал такого, что меня надо было лишиться рук, ног и так обезобразить лицо, что я никогда не посмею появиться на людях?

Мухаммад Сарвар. Он пошел со своим братом на кладбище, чтобы навестить могилу дяди. Мину заложили у самой могилы. Оба мальчика теперь калеки...

Потом я был в операционной, видел жуткие человеческие страдания и даже смерть – вынести такое непросто, но пройти через это надо, иначе о войне сложится кинематографически-лакированное представление. Такие слова принадлежат генерал-майору медицинской службы Сухайле Седдик, первой женщине генералу в Афганистане.

– Выросла я в интеллигентной, обеспеченной семье, – устало разминая пальцы, рассказывала она. – Уехала в Москву, окончила мединститут, там же защитила диссертацию и стала первой в Афганистане женщиной кандидатом медицинских наук. В Кабул вернулась на крыльях, но...оказалась без практики. В конце семидесятых наши «Четыреста коек» пустовали. А я хирург, мне скальпель надо держать в руках каждый день. Заскучала я, начала подумывать о возвращении в Москву. Но вот грянула Апрельская революция. Бескровных революций не бывает, а это значит, что прибавилось работы и хирургам. Сначала мы не уходили из операционных часами, потом – сменами, а теперь сутками.

– Неужели квалификация хирурга зависит от революций, войн и других несчастий? – усомнился я.

– Смотря какого хирурга. Одно дело – каждый день удалять аппендиксы или, скажем, железы. Совсем другое – вынимать из легких пули, из сердца – осколки и проводить бесконечные ампутации, стараясь сохранить сустав или оставить культю подлиннее. Иногда говорят, что

врач ко всему привыкает и режет хладнокровно. Не верьте! Знали бы вы, как я переживаю, как нервничаю, когда, возвращая человеку жизнь, делаю его калекой. Сейчас идет минная война, и таких операций особенно много.

И тут Сухайла замолчала, потом встряхнулась и, сузив глаза, метнулась к окну. С треском распахнутая рама впустила порцию свежего воздуха, прохладный ветерок растрепал ее прическу, она блаженно потянулась, улыбнулась – и тут я увидел, как Сухайла красива. Пришлось поверить и в байку, ходившую по госпиталю, что раненные чуть ли не дерутся за честь, пусть и на операционном столе, но побывать в ее руках.

– Но жизнь не стоит на месте, – продолжила Сухайла, – и какие-то негодяи с дипломами престижных университетов изобретают все более изощренные средства убийства людей. Ныне настала пора напалма и фосфорных снарядов: в результате нам пришлось открыть ожоговое отделение и учиться лечить заживо сожженных. Хотите посмотреть? – предложила она.

– Хочу, – вскочил я.

Через пять минут я крепко об этом пожалел.

Мы поднялись на седьмой этаж и направились в левое крыло. Запах карболки и йода перекрывало тошнотворное зловоние гниющей плоти. Я понял, что надо готовиться к встрече с чем-то особенно страшным – понял, но подготовиться не успел.

Дверь в палату оказалась настежь открытой. На кровати лежало что-то коричнево-черное, похожее на обгоревший пенек. Но это «что-то» дышало, к нему тянулись трубочки капельницы. Человек.

– Он жив, – прочитала мои мысли Сухайла. – Даже может говорить. Сегодня впервые пришел в себя.

– Чем говорить? – не поверил я. – У него же нет лица. Нет губ...

– Зато есть язык. Спрашивайте, я переведу.

Я проглотил ставший вдруг плотным воздух и спросил:

– Как тебя зовут?

– Барот, – прошелестело от подушки.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Как... это случилось?

– Мы наступали... Фосфорный снаряд... А... а кишлак взяли? – обеспокоенно спросил Барот.

– Конечно, взяли, – кивнула Сухайла. – А тебя представили к награде. Молодец, ты настоящий командос!

Там, где были веки, что-то заблестело, и по шероховатостям коросты скатилась слеза: его, рядового солдата, прилюдно похвалила женщина-генерал, которую знает весь Афганистан.

На соседней койке лежал пехотинец Динмухаммад. Ему двадцать два года, он охранял цистерны с бензином, а когда в них попал снаряд, Динмухаммад живым факелом бросился к речке. Больше ничего не помнит.

Разговор давался трудно, буквально через две минуты обожженные обмякли, и им пришлось делать уколы.

А потом была встреча с начальником госпиталя генерал-майором Валайтом Хабиби. Он рассказывал о своих коллегах, вспоминал прекрасный город на Неве, годы учебы в Военно-медицинской академии, я что-то записывал, что-то уточнял, но все делал в состоянии какого-то транса: перед глазами – искалеченные дети, сожженные солдаты...

Из госпиталя я уходил совершенно раздавленный и думал только об одном: что должен, просто обязан увидеть варваров, которые сеют такие страдания. И не просто увидеть, а с ними поговорить, показать им фотографии, сделанные в палатах! Но как встретиться с душманами, да так, чтобы говорили не их автоматы, а они сами?

После посещения госпиталя я думал, что теперь меня ничто не проймет, что отныне буду ходить со спекшимся сердцем, и от потрясений застрахован. Но ближе к закату я увидел такое... Нет, об этом позже. Сейчас – не могу.

А пока о другом, о том, как закончился этот врезавшийся в память день. Я разыскал товарищей, которые свели меня с сотрудниками пятого управления МГБ⁴. Именно эти люди ведут работу в бандах, именно они, ежеминутно рискуя жизнью, добывают сведения о путях следования караванов с оружием, месте и времени нападения на посты, кишлаки и автомобильные колонны. Проводят эти люди и более глубокую, тонкую работу. Как раз одну из таких операций готовили Рашид и Саидакбар, когда меня ввели в их кабинет.

---

⁴ МГБ – министерство государственной безопасности.

Глава вторая

Пока мы ждали, когда у Рашида отрастет борода, Саидакбар решил сводить меня в местный музей.

– Заодно узнаешь, почему никто из пришлых завоевателей так и не смог покорить Афганистан, – таинственно намекнул он. – Кто только ни пытался овладеть, как тогда говорили, «ключом от Индии» – и древние греки, и персы, и англичане, и всех мы либо выгоняли, либо оставляли в нашей земле.

Музей, что и говорить, оказался великолепен. Какие тут хранились ковры, кинжалы, сабли, вазы, серьги, браслеты и многое, многое другое! Но Саидакбар и вынырнувший откуда-то хранитель по имени Гафур, не давая задержаться у витрин, тянули меня куда-то дальше.

– Ну, что вы, в самом деле, – отбивался я, – дайте хоть саблями полюбоваться!

– Потом, – стуча протезом, настойчиво предлагал мне идти дальше Гафур. – Уважаемого шурави⁵ ждет наш главный экспонат.

То, что я увидел в соседнем зале, действительно можно было назвать главным экспонатом. Как известно, в исламе запрещено изображение человеческого лица, поэтому ни в одной мечети, ни в одном музее вы не увидите чьих-либо портретов, а тут – огромное полотно, на котором изображен какой-то рыжий дядька, с пышными бакенбардами и развевающимися усами. Он сидел на коне, причем смотрел не вперед, а куда-то вбок, лицо откровенно страдальческое.

– Кто это? – недоуменно спросил я.

– О-о, это известный человек, – назидательно поднял палец Гафур. – Его хорошо знают. Особенно в Англии, – с нажимом добавил Гафур. – Я позволю себе напомнить, что англичан, как называют у нас англичан, три раза пытались поставить нас на колени. Первая война была в 1838–1842 годах, вторая в 1878–1880 и третья в 1919-м. Все три раза англичане были вынуждены убираться восвояси. А вот этот, – ткнул он пальцем в картину, – уцелел. Его зовут Смит, капитан Смит. Наши деды посадили его на коня, сказали, чтобы тот скакал без передышки и передал своим начальникам то, что произносит каждый афганец вместе с молитвой: «Мы сотрем вас с лица земли, как корова слизывает траву, вы нас никогда не победите. А если придете снова, то знайте, что земли для английских могил у нас хватит».

– Минутку, – остановил я его, – а что на этом стенде за тетрадь? Можно полистать?.. Да она на английском языке, а в ней стихи! – изумился я.

– Это трофей, – не без гордости заметил Гафур. – Тетрадь принадлежала капитану Сомерсетского полка легкой пехоты Томасу Блэйку. Отступая, капитан забыл о ней, и тетрадь оказалась у нас. 18 января 1919 года он признался: «Надо же быть таким идиотом! Давно следовало плюнуть на затасканную Европу. Вот где разгуляешься – в колониях! Для всех этих оборванцев я – сахиб, господин, божество».

А вот в чем он был уверен 7 мая: «Война кончится быстро, ведь у нас семикратное превосходство. Теперь мы полностью покончим с Афганским государством. Вперед, на Кабул!».

Но на пути к городу Кабулу была река Кабул. И надо же такому случиться, что именно в это время в этом месте оказался известнейший поэт Редьярд Киплинг. Свидетель форсирования реки, тот написал об этом стихи. Капитан Блэйк приводит их в своем дневнике:

Стал Кабул у вод Кабула,
Саблю вон, труби поход!
Здесь полвзвода утонуло,

---

⁵ Шурави – так в Афганистане называют русских.

Другу жизни стоил брод.
Нам занять Кабул велели,
Саблю вон, труби поход!
Но скажите: неужели
Друга мне заменит брод?
Нас уводят из Кабула,
Саблю вон, труби поход!
Сколько наших утонуло?
Скольких жизней стоил брод?
Обмелеют летом реки,
Но не всплыть друзьям вовеки!

Во время боев у брода капитан Блэйк уцелел, но в середине июня он все же оказался на военном кладбище Пешавара.

– Печальная история, – вздохнул я.

– Печальная, – согласился Гафур. – Однако приди сюда Блэйк не с оружием, а, скажем, с геологическим молотком или фонендоскопом, все было бы иначе. В те годы в Афганистане работало немало немцев, англичан, итальянцев и, конечно же, русских. Вот стенд с уникальными документами, рассказывающими о русско-афганской дружбе: что бы там ни говорили злопыхатели, а независимость Афганистана первой признала Советская Россия, – приложив руку к сердцу, закончил он.

Чтобы рассказать об этой и многих других страницах нашей, порой непростой, дружбы, мне придется время от времени прерывать плавный ход повествования и делать своеобразные вставки, которые я назову «Эпизодами». Речь в них пойдет о людях и об уникальных документах, которые мне удалось раздобыть за стальными дверями секретных архивов.

Эпизод № 1

Справедливости ради надо заметить, что Афганистаном интересовалась не только Англия. Были в этом «подбрюшье Индии», свои интересы и у России. Именно поэтому российский самодержец Павел I с восторгом поддержал задумку Наполеона о нападении на Индию через Афганистан. Он даже двинул сюда казачьи корпуса, но Павла I вскоре убили, и казаков с полдороги вернули домой.

Как это ни странно, но в Кабуле помнят не русского императора, а никому неведомого поручика Виткевича. В борьбе с англичанами в 1837 году он проявил такую бешеную активность и добился таких впечатляющих результатов, что правительство Великобритании потребовало его отзыва, а эмиру Афганистана предъявило ультиматум о высылке Виткевича. Эмир ультиматум не принял, и вскоре разразилась первая англо-афганская война.

Сорок лет спустя ситуация повторилась. Но к этому времени был завоеван Туркестан и русские войска придвинулись вплотную к Афганистану. Англичане этим страшно встревожились и потребовали отвода русских полков, вместо чего Россия двинула войска к границе, а в Кабул была послана специальная миссия во главе с генералом Столетовым. Новый эмир принял Столетова с величайшим почетом и отдал «ключ от ворот Индии» в руки России. Англичане объявили Афганистану так называемую вторую войну. Победы они не одержали, но самого главного добились: в обмен на лондонские субсидии эмир отказался от права внешних сношений с другими государствами и, прежде всего, с Россией.

Так Афганистан стал запретной зоной для иностранцев. Но вскоре случилось несчастье: в результате тайного заговора на царской охоте был убит правитель Афганистана Хабибулла-хан, и к власти пришел его сын Аманулла-хан. Это случилось в 1919 году, когда России, казалось

бы, стало не до Афганистана. Но так как Аманулла-хан победил ненавистных англичан в третьей англо-афганской войне и объявил о независимости своей страны, в Москве решили, что самое время признать Афганистан и направить в Кабул дипломатическую миссию.

В перехваченной телеграмме одного английского генерала говорилось о письмах Амануллы-хана, переданных в Москву: «Они содержат извещения о восстановлении независимости Афганистана и стремлении к дружбе с Россией. Отныне свободна дорога на Кушку, а это означает, что открыто прямое сообщение с Афганистаном. Возможна переброска оружия, боеприпасов и даже войск».

Посольство в Кабул было сформировано в течение нескольких дней. Первым полпредом стал Яков Захарович Суриц. Направить-то его в Кабул направили, но ни денег, ни ценных подарков, которые принято вручать восточным правителям, не дали. При этом Ленин развел руками и, провожая Сурица в дорогу, как бы в шутку, сказал: «Я уверен, что вы, сын еврейского купца, найдете выход из создавшегося положения». Надо отдать должное, сын еврейского купца привез с собой 880 тысяч рублей и множество ценных подарков.

Но самым дорогим было послание королю Афганистана, подписанное самим Лениным: «Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов». В нем говорилось о советской «помощи», и Ленин доказал, что не бросает слов на ветер: в русском караване оказалось пять тысяч винтовок, около сотни пулеметов, многие тысячи патронов, несколько самолетов, оборудование для телеграфной линии Кабул – Кушка и даже радиостанция вместе с персоналом.

Полгода Суриц с небольшой группой сотрудников своего полпредства добирался до Афганистана, но встретили их по-королевски: тут были и кавалерийский эскорт, и артиллерийский салют и даже носилки под балдахином, на которые усадили российского полпреда.

Так случилось, что в это же время из Кабула в Москву двигалось афганское посольство во главе с генералом Вали-ханом. Где-то на полпути посольства встретились и даже пообщались.

Афганцы до Москвы добрались быстрее, нежели русские до Кабула и «Правда» уже 14 октября 1919 года писала, как Ленин принимал Афганское Чрезвычайное Посольство в своем рабочем кабинете, где посол заявил ему: «Я надеюсь, что вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку».

А вот то, о чем газеты не писали. В составе миссии Вали-хана был один из образованнейших людей страны – мулла Худабахш, который увидел в Ленине пророка:

– Он так не похож на нынешних политиков и вождей всего мира. Такое сочетание широты и глубины мысли с душевной простотой!

Самое удивительное, что не пройдет и месяца, как живейший интерес к личности Ленина проявит и Аманулла-хан.

– Меня очень занимает ваш вождь Ленин, – сказал он во время одной из бесед с Сурицем. – Что он за человек? Кто его родители? Какого он рода-племени? Есть ли у него семья?

Суриц поведал эмиру все, что знал и что в последующие годы станет одной из самых больших тайн Страны Советов:

– Роду-племени Ильич непростого, – начал издали Суриц. – Я вот, например, иудей. Но так как в царской России понятие «национальность» практически отсутствовало, главным было вероисповедание. Так вот Владимир Ильич по отцу – православный христианин, а по матери – наполовину иудей, так как его дедушка по матери – еврей по фамилии Бланк: он был довольно известным врачом. А вот бабушка – полушведка-полунемка.

– Ну и ну! – удивился Аманулла-хан. – У нас такое невозможно. Ни один пуштун не отдаст свою дочь за таджика или узбека, даже если он самого что ни есть знатного рода. А как же дедушка Ленина стал врачом? Я где-то читал, что ни в один университет евреев не принимали.

– Ну, это проще простого, – усмехнулся Суриц. – Через эту процедуру проходил и я. Надо было только формально креститься, то есть принять православную веру, а заодно и русское имя. Так Сруль Мовшевич Бланк стал Александром Дмитриевичем. После этого у него не было никаких проблем с поступлением в Военно-медицинскую академию. Тогда же он женился на Анне Гросшопф, которая родила ему дочь Марию, впоследствии ставшую матерью Ленина. Впрочем, и отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, тоже не совсем русский: его бабка была калмычкой. Думаю, что ярко выраженная скуластость Ильича – от нее.

– Да-а, – пригладил свои пышные усы Аманулла-хан, – теперь мне понятно, откуда у Ленина столько энергии, ума и мудрости: у всех своих предков он что-нибудь да позаимствовал. Раньше из таких людей получались прекрасные воины, а он стал великим политиком.

– А разве современный политик – одновременно не воин? – полувопросительно заметил Суриц. – Разве Ленину не надо разбираться в хитросплетениях чисто военных дел: как сдерживать Колчака, когда ударить по Деникину, что делать с Юденичем? А вы, уважаемый Аманулла-хан, блестяще победив профессиональную армию Великобритании и добившись признания независимости Афганистана, разве не доказали, что современный политик должен быть и воином?!

– Увы, но в Афганистане так было всегда, – вздохнул Аманулла-хан. – История Афганистана – это история войн: то к нам пожалует Александр Македонский, то навалятся персы, то грозят монголы, а последние сто лет – англичане. Но теперь, имея такого надежного соседа, как Советская Россия, мы сможем жить спокойно. А я наконец займусь своим любимым делом – охотой! – азартно потер он руки. – Кстати, господин посол, любит ли Ленин охоту или у него другие интересы?

– Любит, – улыбнулся Суриц. – Еще как любит.

– Наш человек! – удовлетворенно воскликнул Аманулла-хан.

Глава третья

Однажды утром Рашид в очередной раз скептически оглядел свою бороду и решительно заявил:

– В самый раз. Сегодня ночью уйду. Отныне меня зовут Идрис. А Саидакбара – Азиз. Запомнил? Если встретимся, ты нас не знаешь. Я договорился с Шемалем. Настоящее имя у этого главаря банды другое, но для нас он Шемаль, то есть «Север». Так вот, Шемаль обещал подумать.

– О чем?

– О том, как обеспечить твою безопасность. Ты же хотел побывать в банде?

– Хотел.

– Шемаль на встречу согласен. Но ведь ты шурави, а русских в его банде не любят. Слово главаря там – закон, не дай бог нарушить – вырежут весь род от мала до велика. Но все-таки Шемаль прав: вдруг найдется какой-нибудь накурившийся анаши фанатик и полоснет из автомата в спину? Такие случаи бывали, и не раз... но Шемаль что-нибудь придумает. Для страховки я забросил удочку и в банду Ашрафа.

Саидакбар, то есть Азиз, удивленно поднял брови.

– Ничего-ничего, пусть поерзает. Удочку я забрасывал через его заместителя Канд-агу, а этот парень сам мечтает стать главарем. Он типичный экстремист, за ним – люди без роду и племени, руки у них по локоть в крови, терять им нечего. Представляешь, как пошатнется авторитет Канд-аги, когда выяснится, что он контактирует с хадовцами?!

И тут я брякнул:

– А нельзя Шемяля пригласить к Ашрафу и поговорить втроем?

Идрис даже побледнел:

– Да ты что?! Ашраф – таджик, а Шемаль – пуштун. Они же перестреляют друг друга! Никогда, запомни, никогда пуштун не сядет за один стол с таджиком или хазарейцем. А если, разговаривая с Ашрафом, ты ляпнешь, что был у Шемяля, жить тебе ровно две секунды: именно столько, сколько нужно, чтобы передернуть затвор и нажать на спуск.

Теперь уже побледнел я.

– Я же говорил, – поднялся Азиз, – нельзя его посылать в банду. Он не готов.

– А мы на что?! Ничего, дадим толкового переводчика, предупредим, чтобы глупые вопросы не переводил, и все обойдется. Но ты прав: к этим встречам надо готовиться. Давайте-ка еще раз все вместе просмотрим захваченные у душманов документы.

Об этом я не мог и мечтать!

– Вот удостоверение Исламского общества Афганистана и значок с надписью «Аллах Акбар». Документ ценный, – размышлял Идрис, – можно вписать любую фамилию, приклеить фотографию – и прямиком в банду, сойдешь за своего. Когда были помоложе, мы с Азизом не раз пользовались такими пропусками.

– Дай-ка, посмотри, – протянул руку заметно погрузневший Азиз.

– А вот фотографии Гульбеддина, Раббани, Гиляни и муллы Халеса⁶ – это главари различных партий и наши злейшие враги. Правда, друг к другу они относятся тоже с откровенной антипатией.

– Что так?

---

⁶ Хекматияр Гульбеддин (род. в 1947 г.) – афганский полевой командир, премьер-министр Афганистана (в 1993–1994 гг. и 1996 г.), лидер Исламской партии Афганистана. Мухаммед Раббани (1955–2001) – мулла, один из основателей движения Талибан. Юнус Халес (1919–2006) – мулла, один из командующих силами афганских моджахедов во время советского вторжения в Афганистан.

– Грызутся из-за денег. Долларовая река из-за океана в Афганистане превращается в мелкие ручейки, но если их умело направлять, те потекут в нужный карман. Тот же Гульбеддин бежал из Афганистана без гроша в кармане, а теперь у него нефтеперерабатывающие заводы в Кувейте, сеть магазинов в Пешаваре, солидные вклады в западноевропейских банках. У Раббани или Гиляни заводов нет, зато есть острое желание их заиметь. А мулла Халес недавно в Бонне, рассказав о «победах» своих сторонников, призвал оказывать финансовую помощь не всему антиправительственному движению, а только ему, Халесу. В общем, за границей действует около семидесяти контрреволюционных обществ, партий и организаций, и все они норовят со стола своих благодетелей урвать кусок пожирнее.

– Но ведь перед ними нужно отчитываться, рапортовать о победоносных сражениях, приводить впечатляющие цифры о пленных и убитых, – заметил я.

– Вот-вот! Мы как-то не поленились и суммировали цифры: оказалось, что одна половина жителей Афганистана давным-давно в плену, а другая – в могилах. Иногда эти лжецы подписывают совместные заявления, призывы и приказы, побуждая главарей банд объединяться. Как правило, из этого ничего не получается. Частенько – не без нашей помощи. Так, Азиз?

– Так-так, – кивнул тот.

– Ты что, устал? – заметив, что друг не своей тарелке, спросил Идрис. – Иди домой и как следует выспись.

– Нет, я не устал. Я сына вспомнил... Ты же знаешь, когда-то я был неплохим анестезиологом. В партию вступил еще при шахе, не один год работал в подполье, а при Амине⁷ попал в тюрьму. Из-за такой же вот бумажки, только с портретом Мао⁸. Откуда она взялась в моем столе, гадаю до сих пор. Когда за мной пришли, я собирался в аптеку – сильно простудился сынишка. Что с нами делали аминовцы, страшно вспомнить! Через полгода меня вышвырнули за ворота тюрьмы: подохнет, мол, и так. Но я выжил. Выжил! – грохнул он кулаком по столу. – А сына схоронили. Без меня. И тогда я поклялся...

Рашид встал и молча обнял Саидакбара. Тот уронил голову ему на плечо... Завтра этим людям идти в логово врага, завтра им могут выпустить кишки, отрезать голову, посадить на кол, но сегодня у Рашида есть Саидакбар, а у Саидакбара – Рашид. Это очень важно – иметь друга, вместе с которым можно не только жить, но и умереть.

Потом Рашида куда-то вызвали, и Саидакбар рассказал, как они подружились.

– Мы знакомы еще с университетских времен, вместе участвовали в студенческом движении. В восьмидесятом сложилась очень тяжелая обстановка в провинции Лагман. Партия сказала, что туда должны поехать молодые, сильные, умеющие стрелять. Мы стрелять не умели, но поехали – думали, научимся на месте. Нас было шестьдесят человек, казалось, большая сила, но местные власти распределили отряд по шести постам. Я оказался в десятке, которой командовал Рашид... Пост находился на окраине кишлака, прикрывал дорогу в ущелье, по которому пролегал путь за кордон. Душманам это ущелье требовалось позарез, но ключ от него держали мы. И подкупить нашу группу пытались, и перевербовать, и выжечь, и перестрелять – ничего не получалось!

Взволнованный воспоминаниями, Саидакбар вскочил, одним глотком опрокинул в себя стакан минералки, пошагал по кабинету и, немного успокоившись, продолжил:

– Однажды погиб наш товарищ. Кладбище – рядом, и мы решили похоронить его по-людски. Но душманы устроили засаду. Огонь открыли в тот самый момент, когда мы опускали труп в могилу. Пришлось залечь рядом с убитым и отстреливаться. А душманы выпустят несколько очередей – и ждут, что мы будем делать дальше. Путь отхода свободен, но уйти, не

---

⁷ Хафизулла Амин (1929–1979) – афганский государственный, политический и партийный деятель, член Политбюро ЦК НДПА, министр иностранных дел (1978–1979), министр обороны, премьер-министр, генеральный секретарь ЦК НДПА и председатель Революционного совета Афганистана (1979).

⁸ Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский государственный и политический деятель XX века, главный теоретик маоизма.

выполнив священного долга, мы не могли. Тогда поднялся отец этого парня. Он взял сына на руки и шагнул к могиле. Эти сволочи подождали, когда отец подойдет к самому ее краю, и ударили ему в спину...

Больше Саидакбар говорить не мог. Пытался, но не мог: спазм перехватил горло. Он снова глотнул минералки и продолжил каким-то сиплым голосом:

– Отец упал в могилу, не выпуская сына, – выдал Саидакбар. – Так их и закопали... А на следующий день мы сделали вылазку и вырезали всех, кто находился в засаде. Придумал эту операцию Рашид. Накануне мы убили душмана, у которого обнаружили пачку удостоверений Исламского общества Афганистана⁹ и полный карман значков, предназначенных для членов этой партии. Рашид предложил нацепить эти значки, запастись удостоверениями и явиться со стороны ущелья – как будто мы пришли из-за кордона. Фотографий на удостоверениях не было, вид у нас затрапезный, глаза злые, вооружены чем попало – словом, нас приняли как дорогих гостей: дескать, какое-никакое, а пополнение. Вечером мы предложили организовать новую засаду. Душманы согласились. Порешили мы их тихо, ножами.

– А потом чуть было не порешили нас, – продолжил незаметно вернувшийся Рашид. – Когда душманы из другой, более крупной банды, окружили пост, а нас осталось двое и в пистолетах по одному патрону, я понял, что это конец. Сдаваться нельзя – смерть будет мучительной, поэтому мы решили застрелиться. А чтобы не надругались над трупами, я предложил спуститься в старый вонючий арык. Саидакбар согласился. Мы уже были по пояс в воде, когда наверху появились душманы. Я инстинктивно нырнул.

– А я юркнул за корягу, – добавил Саидакбар.

– И вот ведь как устроен человек: жить осталось считанные секунды, а я вдруг вспомнил, что на днях получил свою первую в жизни зарплату, и теперь деньги размокнут и пропадут. Сунул руку за пазуху, чтобы достать деньги и выставить их наружу. Мама родная! Граната! Когда сунул ее в карман, я не вспомнил, но, ощутив в руках «лимонку», понял, что мои похороны откладываются. Вынырнул, показал гранату Саидакбару и махнул рукой в сторону врагов. Тот все понял и согласно кивнул. А душманы тем временем столпились на берегу и громко спорили, где нас искать – в воде или на суше. И тут, в самую серединку толпы прилетела моя «лимонка». Одних взрывом разметало, других изрешетило, третьих оглушило. Но главное – поднялось облако пыли. Мы ринулись в это спасительное облако!

Рашид плеснул нам принесенного с собой зеленого чаю. Он жадно отпил из своей чашки, взъерошил и без того растрепанную шевелюру, прыгнул во вращающееся кресло, крутанул пару раз вокруг оси и неспеша, чуть растягивая слова, продолжил:

– Как добрались до Кабула – это уже другая история. Тогда ХАДом руководил наш нынешний президент Наджиб¹⁰. Он выслушал доклад о действиях студенческой группы и предложил нам связать свою жизнь с работой в органах государственной безопасности. Мы согласились.

Чего только не было за эти годы, – вздохнул он, – но раз мы живы, значит, работали грамотно...

А на днях представилась фантастическая возможность проникнуть в банду Алим-хана. Мы перехватили одного из его курьеров по имени Идрис. Парень шел из Пакистана и клянется, что в банде его никто не знает. В хурджуне – пачка удостоверений и приличная сумма денег. Мы решили так: деньги и часть удостоверений отдадим Алим-хану. Это сделаю я и приду к

---

⁹ «Исламское общество Афганистана» – ИОА, «Хезб-е Джамиат-е Ислами» – одна из наиболее крупных и влиятельных партий в Республике Афганистан с 1960 по 2000-е годы. С новым названием – «Исламское общество Афганистана», партия ИОА начала политическую деятельность с 1973 года.

¹⁰ Мохаммад Наджибулла (1947–1996) – афганский государственный и политический деятель, дипломат, начальник Службы государственной информации (ХАД) (1980–1986), президент Афганистана (1987–1992). На посту президента проводил политику «национального примирения», способствовал преобразованию политической и социальной жизни страны.

нему с документами Идриса: борода отросла, так что сойду за своего. А вот Азиз и его ребята вклеят в удостоверения свои фотографии и придут чуть позже, по моему сигналу. Этим я докажу, что у меня надежная связь с Пакистаном.

Как известно, у «духов» больше всего ценятся деньги и оружие. Деньги принесу я, а оружие доставит Азиз. Наша задача – парализовать банду и разложить ее изнутри. А еще лучше – стравить с другой. Пусть враги убивают врагов!

– Задумка не просто дерзкая, а наглая, – заметил я. – Если получится, то...

– Получится, – перебил меня Рашид. – И никаких «если»! Все продумано, все учтено.

– Кроме страховки, – продолжал сомневаться я.

– «Работаем без лонжи!» – неожиданно расхохотался Рашид. – Не удивляйся, это не мои слова. Тебе предстоит познакомиться с одним душманом, бывшим канатоходцем. Чего мне стоило посеять сомнения в его душе! Но парень начал думать, значит, будет наш. Иногда я, правда, сомневаюсь: он из породы экстремистов и окружил себя такими же головорезами. Но все же на контакт со мной пошел. Когда я спросил, не боится ли он иметь со мной дело, ведь, узнав об этом, свои же вздернут его на дереве, «канатоходец» гордо ответил: «Работаем без лонжи!» Это значит, он в себе абсолютно уверен.

– Кто такой? Что за циркач? – загорелся я.

– Всему свое время, – предостерегающе поднял руку Рашид. – Что в нашем деле враг номер один, так это спешка. Ну, ладно, – поднялся он, – давай прощаться.

Мы троекратно расцеловались, и Рашид исчез. Но буквально с порога вернулся назад.

– Тьфу ты, черт! – ругнулся он. – Про коробку-то я забыл. А в ней, не побоюсь этого слова, моя жизнь! – несколько шутовски воскликнул Рашид и вытряхнул на стол довольно потрепанные штаны, выгоревшую на солнце куртку и странноватого покроя берет.

– Надо бы примерить, – все поняв, заметил Саидакбар. – А то вдруг окажется, что все это сидит на тебе, словно с чужого плеча.

– Как всегда, ты снова прав, – начал переодеваться Рашид.

– Ничего не понимаю. Может, объясните, зачем этот маскарад? – взмолился я.

– Маскарад? – усмехнулся Рашид. – Это не маскарад, а вхождение в роль. Можешь ли ты себе представить, скажем, короля Лира в бухарском халате, а царя Бориса во фраке? Нет? А явившегося из Пакистана моджахеда в двубортном пиджаке, при галстукке и в шляпе? То-то же! – наизидательно поднял он палец. – Поэтому я должен появиться в национальном пуштунском костюме, причем далеко не новом, и с обязательной потертостью от ремня автомата на правом плече. И на этом же плече должно быть что-то вроде синяка или мозоли. У тех, кто часто стреляет, такая отметина обязательна. Толчки от приклада автомата бесследно не проходят: отдача-то при стрельбе ощутимая.

– А берет? – не унимался я. – Что за странный у тебя берет?

– Никакой это не берет, – примерил Рашид отдаленно похожий на берет головной убор. – Пуштуны эту шапку называют «хвалеи», но среди остальных народов прижилось название «пуштунка». Ну, как я? – крутанулся он перед Саидакбаром. – Сойду за своего?

– Сойдешь, – имитируя боксерский удар, ткнул его в живот Саидакбар. – Только не забудь: Идрис – важная птица. Раз ему доверили деньги, значит, он пользуется особым доверием пакистанского руководства, а раз Идрис их принес, значит, он честный человек. Так что держись независимо, а когда надо, то и надменно: пусть думают, что у тебя могущественные покровители.

– Ну все, пока, – помахал нам от порога Рашид и исчез. На этот раз – надолго.

Меня же вскоре поглотили другие дела. Но я всегда ощущал заботу Рашида: как только возникали трудности, рядом оказывались его сотрудники – и проблемы решались сами собой.

Глава четвертая

Одна из таких проблем возникла во время поездки в Джелалабад. Накануне я общался с министром по делам племен и народов, известным афганским поэтом Сулейманом Лаеком. Поскольку Лаек был болен, мы встретились в госпитальной палате, и я хотел все свести к обычному визиту вежливости, сказав, что москвичи помнят его выступления и ждут новых стихов.

Какой же радостью вспыхнули глаза этого далеко не первой молодости человека! Он засыпал меня вопросами о Москве. Оказалось, что у нас немало общих знакомых. Лаек тут же начал строчить им письма. Потом заявил, что всем не написать – для этого понадобится не меньше суток, а кому-то одному писать негоже, это значит, обидеть других.

– Давайте сделаем так, – предложил Лаек. – Я пошлю друзьям поэтический привет.

– Напишите поэму? А мы ее переведем и напечатаем, – предложил я.

– Нет! Прямо сейчас я прочту несколько новых стихов. Одни уже переведены, другие переведем вместе.

– Готов, – отозвался я, доставая блокнот.

Лаек откинулся на спинку кресла, устремил взгляд куда-то за горы и, не скрывая грусти, сказал:

– Я прожил достаточно долгую жизнь. Я разучился писать стихи о цветочках, птичках и томных взглядах. Моя поэзия всегда служила народу и революции. Тем более сейчас! Говоря словами моего кумира Маяковского, свое перо я приравнял к штыку и тем горжусь. Недавно в одной воинской части я попытался расспросить о нуждах, а солдаты в один голос требовали от меня стихов. Это в нашей-то стране повальной неграмотности! Начал я с известного поэта Асадуллы Хабиба. Есть у него строки, выстраданные каждым афганцем:

Я иду туда, где бои,
Где земля от крови багрова,
Где коварная тишина
Громче самого грома.

А потом прочел свое четверостишие, которое мне очень дорого:

Если сердцу Отчизна в беде не мила,
Если сердце любовь к ней не грела, не жгла,
Киньте в землю его, пусть займутся им черви,
А не то оно станет орудием зла!

Я – пуштун, но пишу и на пушту, и на дари. Правда, пушту мне ближе. К тому же я убежден, что только на этом языке можно по-настоящему ярко рассказать о проблемах пуштунских племен. А не решив их, мы не решим задач революции. Пуштуны составляют пятьдесят пять процентов населения нашей многонациональной страны. Мои земляки есть практически во всех провинциях, но больше всего их на юге и особенно на востоке страны. В этих краях создалась чрезвычайно сложная ситуация.

В свое время границу между Афганистаном и Пакистаном англичане провели так коварно, что тринадцать миллионов пуштунов оказались на территории Пакистана. Добавьте еще два с половиной миллиона кочевых племен. А между тем все эти земли исконно пуштунские. Мы никогда не признавали этой искусственной границы и всегда свободно ходили из кишлака в кишлак, с пастбища на пастбище, ни у кого не спрашивая разрешения. А если нас пытались остановить, брались на оружие. Теперь вы понимаете, что ни о каком закрытии границы не

может быть и речи? Она проходит через пуштунское сердце. Его можно разрубить, но покорить – никогда.

Когда я встречаюсь с президентом Афганистана Наджибуллой, мы всегда ломаем голову над тем, как собрать пуштунов в одном доме, под одной крышей – и, знаете, кое-что придумали. Это «кое-что» я обязательно вам покажу. Вот выберусь из госпиталя и покажу. Сейчас это мое главное дело, оно важнее всех книг. Один я, конечно, ничего бы не сделал, но меня окружают люди, готовые на все ради осуществления этой идеи. О них я написал такие строки:

Кто живет, на жизнь не жалуясь, не ноя,
Видит будущее лучше, чем бывшее,
Кто борьбе отдаться рад, кто не пугается преград,
Только тот достоин имени героя!

– Рафик¹¹ Лаек, – признался вдруг переводчик, – дело прошлое, но лет десять назад одним своим стихотворением вы смутили мою юную душу.

– Смутил? Не может быть!

– Помните ваши знаменитые «Караваны»? Весь Кабул зачитывался ими:

Караваны, караваны – путь у каждого отдельный,
Караваны, караваны – нет у них единой цели.
Проводник нам нужен смелый,
Чтоб на путь нас вывел верный.

– Да-а, караваны... – вздохнул Лаек. – После них я угодил в тюрьму. Но проводник нашелся! Вот какие строки написал я, выйдя на волю:

Эй, ветер новой эры, дуй, крепчай!
Эй, солнце животворное, сияй!

– Туч много, – продолжал Лаек. – Дующие из-за океана ветры пытаются нагнать их, чтобы закрыть солнце над нашим народом, сломать его, согнуть, поставить на колени. Пустое дело! Вся наша история – это борьба за свободу, и уж чему-чему, а умению постоять за себя мы обучены. Об этом, кстати, поется в ландяхх – коротких стихах, сочиняемых в народе. Вот, например, о моих сородичах:

Пуштун родился рядом с саблей,
Он вместе с саблей вырос
И с саблей в руке умрет.

А девушки какого еще народа поют такое:

Влюбленная в свободу изрекла:
«Кто рабству предан,
Того уж я не поцелую».

Саблю милого, окрашенную кровью, пуштунские девушки в ландяхх алыми губами очищают, из крови его родинки ставят себе, из ресниц своих плетут саван ему. Есть такой ландый:

---

¹¹ Рафик – товарищ.

Никогда я тебе не прощу,
Если кровью врага не обагришь свои руки.

И вот ответ героя:

Пожертвую собой ради свободы,
Чтоб девушки всегда спешили по утрам
К святой для них моей могиле.

В ландыжах – душа народа, его сердце. Это своеобразный кодекс чести, – подвел итог Лаек. Я заметил, что Лаек время от времени поглядывает на часы.

– Мне пора на процедуры, – поморщился он. – Врачи – народ строгий. Через полчаса я вернусь, – уже на ходу бросил он и вышел из палаты.

Следом за ним тенью выскользнул невысокий парень с заметно оттопыренным карманом.

– Телохранитель, – пояснил переводчик. – Охрана нужна и в палате. Для одних Лаек – духовный вождь, для других – смертельный враг.

Ровно через полчаса в палату влетел посвежевший Лаек.

– Процедура неприятная. Зато потом чувствуешь себя как влюбленный юноша, – бросил он.

– Тогда понятно, зачем здесь эта фотография, – не очень удачно пошутил я. – Влюбленный юноша немыслим без предмета обожания. Что и говорить, красавица из красавиц! Она пуштунка?

Лаек искренне расхохотался, когда услышал эти слова! Минут пять он катался по дивану, хлопая себя по бедрам. Одним глотком влил в себя какую-то микстуру и, лишь когда успокоился, вытирая глаза, наставительно заметил:

– Вы же, кажется, выпускник Московского университета, а не знаете одной из лучших писательниц и журналисток Советской России? Стыдно, молодой человек, очень стыдно!

Мне и вправду стало стыдно. Но что за женщина смотрела на меня с фотографии, хоть убей, не знал.

– Сдаюсь, – поднял я руки. – Правда, не исключено, – уцепился я за соломинку, – что когда изучали ее творчество, я или болел, или был в командировке, или...

– Ладно, – махнул рукой Лаек, – не самоедствуйте. На самом деле эту женщину теперь никто не знает, а когда-то в нее были влюблены такие поэты, как Блок и Гумилев, писатели Горький и Андреев, политики Троцкий и Радек. А Федор Раскольников стал ее мужем. Именно он в 1921 году сменил Сурица на посту полпреда в Афганистане. Жена приехала в Кабул вместе с ним и развила бурную деятельность, став популярнее мужа.

– Батюшки, так это же Лариса Рейснер! – дошло наконец до меня.

– А Раскольников – это тот самый Раскольников, который отказался возвращаться из-за границы и опубликовал разоблачительное письмо, в котором Сталина называл преступником, садистом и убийцей!

– Именно так... Но меня заинтересовала вот эта книжица, – протянул Лаек тоненький томик. – Как видите, она издана в Ленинграде в 1925 году и называется «Афганистан». Мне пришлось поставить на ноги букинистов Лондона и Парижа. Лариса Рейснер провела в нашей стране два года и книгу написала, если так можно выразиться, по горячим следам. Очень интересно, что и как она увидела в тогдашнем Афганистане. Короче, эту книгу я сейчас перевожу: сначала на пушту, а потом и на дари.

Надо ли говорить, что у меня не только загорелись глаза, но и зачесались руки, и я выклянчил у Лаека «Афганистан» Ларисы Рейснер – на один день.

Эпизод № 2

Так каким же он был, этот отчаянный полпред Раскольников, имевший такую жену и осмелившийся восемнадцать лет спустя бросить вызов самому Сталину?

Прежде всего, на самом деле он никакой не Раскольников, а Ильин, хотя по большому счету должен быть Сергеевым. Дело в том, что его мать Антонина Ильина со своим мужем, протопресвитером собора «Всея артиллерии» Федором Сергеевым, жила в так называемом гражданском браке, а их дети, Федор и Александр, считались незаконнорожденными. Вот и пришлось ребятам носить фамилию матери. А Раскольниковым Федор стал во время пребывания в приюте, приравненном к реальному училищу: так его прозвали однокашники за худобу, костлявость, длинные волосы и широкополую шляпу – все, как у героя Достоевского.

С этим прозвищем, ставшим фамилией, Федор поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт. Учиться бы ему и учиться, глядишь, со временем стал бы хорошим инженером, но Федору нравились митинги, демонстрации, стычки с полицией. Вот и доминтировался: из института его вышвырнули, арестовали, приговорили к трем годам ссылки и отправили в Архангельскую губернию. И тут ему крупно повезло: в 1913-м, в связи с трехсотлетием Дома Романовых, он попал под амнистию.

В самом начале мировой войны его призвали в армию и определили на курсы гардемарин, где готовили мичманов русского флота. И надо же такому случиться, что выпускные экзамены пришлось на дни Февральской революции. Новоиспеченный мичман Раскольников тут же разыскал редакцию «Правды» и начал строчить антивоенные статьи.

Это было время, когда матросская братва начала бузить. Выходы из Балтийского моря были закрыты немцами, принимать участие в боевых действиях флот не мог, вот и начали бражки от безделья собираться на Якорной площади Кронштадта. Они с удовольствием слушали большевиков, которые призывали отобрать и поделить буржуйское добро, а в министерские кресла посадить тех, кого выберут они, матросы Балтийского флота, их закадычные друзья – окопные солдаты и петроградские рабочие.

Чтобы эти слова были не только услышаны, но и дошли до душ и сердец матросской братвы, требовались ораторы не в студенческих тужурках или добротных пиджаках, а во флотских бушлатах, то есть свойские, родные люди. В этой ситуации мичман Раскольников пришелся как нельзя кстати. Он знал матросский жаргон, сидел в тюрьме, побывал в ссылке, в соответствии со своей фамилией, был исступлен, яростен и неистов – короче говоря, он вскоре стал любимцем кронштадтской братвы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что матросы единогласно избрали его своим командиром, и под его началом бились с частями генерала Краснова, а потом выкуривали юнкеров из Московского Кремля.

А вскоре возникла ситуация, в которой Раскольников проявил себя как опытный и мудрый флотоводец. В соответствии с только что подписанным Брестским миром Советской России следовало перевести все военные корабли в свои порты и немедленно их разоружить. Основной базой тогда был Гельсингфорс, то есть нынешние Хельсинки, и почти весь Балтийский флот стоял там. Трещали небывалые морозы, лед достиг метровой толщины, приближавшиеся белофинны вот-вот могли захватить корабли. До Кронштадта 330 километров, крейсера и линкоры самостоятельно пробиться не могли – и тогда Раскольников вывел в море «Ермака». С помощью этого легендарного ледокола в Кронштадт был перебазирован практически весь Балтийский флот: ни много ни мало – 236 кораблей!

А вот на Юге, на Черном море, судьба распорядилась по-другому, и Раскольникову выпала доля не спасателя, а губителя Черноморского флота. Дело в том, что в июне 1918 года немцы захватили Севастополь и потребовали, чтобы все корабли, стоявшие в Новороссийске, были возвращены в Севастополь и переданы германскому командованию. Иначе – немедленное

наступление на Москву и Петроград. Официально с требованиями немцев Совнарком согласился, но тайно приказал корабли затопить. Матросы взбунтовались! Как это, своими руками пустить на дно гордость флота?! Тут же полетели за борт комиссары и большевистские ораторы, призывавшие выполнить приказ. И только Раскольников смог убедить взбунтовавшихся, что пусть лучше могучие линкоры и красавцы-крейсера лежат на дне Цемесской бухты, нежели через неделю-другую немцы станут палить из их орудий по нашим же головам. Открыв кингстоны, матросы сошли на берег и со слезами на глазах смотрели, как шли на дно великолепные боевые корабли, на мачтах которых полоскались полотнища флажной сигнализации: «Погибаю, но не сдаюсь».

Не успел Раскольников добраться до Москвы, как тут же получил новое назначение – командующим Волжской военной флотилии. И вот ведь как бывает, противником Раскольникова стал командующий флотилией белых адмирал Старк. Мичман против адмирала – такого в истории флота еще не случалось! И, как ни странно, победил мичман. В эти месяцы у Раскольникова все получалось, враг от него бежал, и вскоре вся Волга была очищена от белых.

Но самое главное, он страстно любил и так же горячо был любим! Его женой и правой рукой в военных делах стала популярнейшая среди матросов Лариса Рейснер. Еще до революции она слыла неплохим литератором и крепким журналистом, но, вступив в партию большевиков, комиссар Лариса предпочла носить не столько карандаш в кармане, сколько маузер на боку. И этому не помешало даже ее происхождение: по отцу Лариса – немецкая еврейка, а вот по матери – русская аристократка из рода Хитрово, и даже дальняя родственница Кутузова.

Покрасовавшись перед матросской братвой в морской шинели или комиссарской кожанке, в своей каюте она переодевалась в роскошное платье и садилась за письменный стол. Вот что, скажем, она писала в одном из своих очерков:

«Да, жестокая штука – война, а гражданская – и вовсе ужасна. Сколько сознательного, интеллигентского, холодного зверства успели совершить отступающие враги! Жены и дети убитых не бегут за границу, не пишут мемуаров о сожжении старинной усадьбы с Рембрандтами и книгохранилищами или о зверствах Чека. Никто никогда не узнает, никто не раструбит на всю чувствительную Европу о тысячах солдат, расстрелянных на высоком камском берегу, зарытых течением в илстые мели, прибитых к нежилому берегу».

Победив врагов на Волге, супружеская чета на этом не успокоилась, а вышла в Каспийское море и провела там несколько блестящих операций. Быть бы Раскольникову со временем адмиралом, а то и Главкомом всего Военно-морского флота, если бы не острейший голод на кадры в Наркомате иностранных дел. Ну, некого было направить в Афганистан, и все тут! Ничего лучшего не придумали, как командующего Балтийским флотом Раскольникова назначить полпредом в Афганистане, где о море никто и слухом не слыхивал, а если и видели какие-то корабли, то только корабли пустыни – верблюдов.

Именно ими в течение тридцати дней и был вынужден командовать Федор Раскольников: 3 июля 1921 года навьюченный поклажей караван вышел из Кушки и по горам, пескам и долинам двинулся в сторону Кабула. Лариса ехала на боевом коне, который обожал свою всадницу и никого к ней не подпускал. А она, видя, как приуныли составляющие конвой матросики, запевала то про парящих над волнами чаек, то про ждущих на берегу девчат. И тогда самый озорной доставал гармошку, веером расправлял меха и выдавал такие аккорды, что грусть сама собой испарялась. Все с благодарностью смотрели на свою комиссаршу и, не без доли зависти, на командира.

В Кабуле Лариса тут же стала первой леди дипломатического корпуса и желанной гостьей на женской половине дворца эмира. Так как она умела не только хорошо говорить, но и внимательно слушать, многие тайны двора сразу же становились известными Раскольникову. Он тоже не терял времени даром и добился самого главного: сначала эмир под страхом смертной казни запретил афганцам участвовать в набегах басмачей на территорию России, а потом

повелел прекратить антисоветскую пропаганду. Само собой разумеется, был ратифицирован российско-афганский договор о дружбе.

Но Ларисе не сиделось на месте. Пешком, верхом, на автомобиле – она моталась по стране и жадно набиралась впечатлений. Они-то и стали основой книги «Афганистан», за перевод которой взялся Лаек.

Первые впечатления Ларисы – однозначно отрицательные. «Я оказалась в каком-то мертвом Востоке, – пишет она. – Ни проблеска нового творческого начала, ни одной книги на тысячи верст. Упадок, прикрытый однообразным и великолепным течением обычаев. Ничего живого. Эти города неумолимо идут к вымиранию, к праху, пыли – все к той же пустыне, из которой они возникли».

А вот нечто положительное и, я бы сказал, рожденное чисто женской наблюдательностью, к тому же о том, чего посторонний мужской глаз никогда не видел: «Лучше всего сады и гаремы. Сады полны винограда, низкорослых деревьев, озер, лебедей, вьющихся роз, граната, голубизны, пчелиного гуденья и аромата, причем такого густого и крепкого, что хочется закрыть глаза и лечь на раскаленные плиты маленького дворика. Тишина здесь такая, что ручьи немеют, и деревья перестают цвести.

А вот и гарем. Крохотный дворик, на который выходит много дверей. За каждой дверью – белая комната, расписанная павлиньими хвостами и убранная сотнями маленьких чайников. В каждой комнате живет женщина-ребенок, лет тринадцати-четырнадцати, низкорослая, как куст винограда. Все они опускают глаза и улыбку прикрывают рукой. Их волосы заплетены в сотню длинных черных косичек. Они бегают по коврам босиком, и миниатюрные ногти их ног выкрашены в красный цвет. Лукавые и молчаливые бесенята в желтых и розовых шальварах...».

А потом Лариса попала на праздник. Как ни странно, это была очередная годовщина Великого Октября. Оказывается, Аманулла-хан, в знак уважения к Советской России и ее заслугам в деле освобождения Афганистана, повелел считать 7 Ноября государственным праздником.

«Лошади бросаются в сторону от барабанного боя, южный ветер полощет бесчисленные флаги, в том числе и красный РСФСР, словом, праздник в полном ходу. Но к смиренному ротозейству толпы племени сумели прибавить так много своего, героического и дикого, что этот казенный праздник действительно стал народным, – восторженно пишет Лариса. – Их позвали плясать перед трибуной эмира – человек сто мужчин и юношей, самых сильных и красивых людей границы, среди которых голод, английские разгромы и кочевая жизнь произвели тщательный отбор. Из всех танцоров только один казался физически слабым, но зато это был музыкант, и какой музыкант! В каждой клеточке его худого и нервного тела таился бог музыки – неистовый, мистический, жестокий.

Этот танец – душа племени. Пляска бьется, как воин в поле, умирает, как раненый, у которого грудь разорвана пулей того сорта, что в Пенджабе и Малабаре бьет крупного зверя и – повстанцев. Они танцуют не просто войну, а войну с Англией.

Таков танец, но еще богаче и смелее песня. Племя садится в круг, прямо на земле. Лучший певец, стоя в середине, поет стих, и барабанщик его сопровождает тихой, щекочущей дробью. «Англичане отняли у нас землю, – поет певец, – но мы прогоним их и вернем свои поля и дома».

Все племя повторяет рефрен, а английский посол сидит на пышной трибуне, бледнеет и иронически аплодирует. Тысячи глаз следят за англичанами: вокруг певцов стена молчаливых, злорадно улыбающихся слушателей. «К счастью, не все европейцы похожи на проклятых инглизи, – подливает масла в огонь певец, – есть большевики, которые идут заодно с мусульманами».

И толпа смеется, рокочет, теснится к трибунам».

Если эти строки написаны восторженной поэтессой, то ее впечатления от встреч с Амануллой-ханом носят отпечаток наблюдений женщины-политика. «Эмир всегда неспокоен в присутствии англичан. Их белые шлемы, их непринужденные манеры, в которых чудится презрение господ, не стесняющих себя в присутствии людей низшей расы – всё злит Аманулла. Его лоб горит. Сбросив каракулевую шапочку, эмир надевает соломенную шляпу местного производства.

У придворных кислые лица. Властелин, с которым вообще шутки плохи, содрал с них новенькие европейские костюмы, заставил облечь жирные, трепещущие складками животы в колючую и топорную ткань, вырабатываемую первой, и пока единственной, кабульской фабрикой.

Покончив с френчами и галифе, властелин принялся за старинное невежество своей страны. У эмира Амануллы-хана огромный природный ум, воля и политический инстинкт. Несколько столетий назад он был бы халифом, мог бы разбить крестоносцев в Палестине, опустошить Индию и Персию и умереть, водрузив полумесяц на колокольнях Гренады и Царьграда. В наши дни, затиснутый со своей громадной волей между Англией и Россией, Аманулла становится реформатором. Но цивилизация и прогресс, как это ни странно, используются им как орудие, которое должно быть обращено именно против враждебной европейской культуры и цивилизации.

В маленьких восточных деспотиях все делается из-под палки. При помощи этой палки Аманулла-хан решил сделать из своей бедной, отсталой, обуянной муллами и взяточниками страны настоящее современное государство, с армией, пушками и соответствующим просвещением. К сожалению, эмир, при всем его врожденном уме и при огромных способностях, выделяющих его из среды упадочных династий Востока, сам не получил правильного образования и не имеет полного представления о европейских методах воспитания».

Такая информация дорогого стоила, и в Москве ее оценили по достоинству, но просьбу Ларисы об отзыве Раскольников из Кабула не удовлетворили. А Лариса к этому времени насытилась по самое некуда таинственным и диким Востоком и всеми силами рвалась домой. Когда стало ясно, что мужа не отзовут, весной 1923 года она из Кабула, в буквальном смысле слова, сбежала. Раскольникову же успела шепнуть, что в Москве обратится к наркому Чичерину, а если не поможет, то к Троцкому, и добьется возвращения мужа в Москву.

Не трудно представить, с каким нетерпением Раскольников ждал каждую новую почту! И дождался. Вместо приказа Наркоминдела об отзыве из Афганистана он получил письмо Ларисы с просьбой о разводе. «Ни за что! – телеграфировал Раскольников в Москву. – Кто может быть тебе так безгранично предан, кто может любить так бешено, как я?!» Ответ был ошеломляющий: «Я полюбила другого».

Если бы Раскольников знал, к кому ушла от него Лариса, он бы, наверное, расхохотался, как хохотала и недоумевала вся Москва. Бросить красавца-моряка, героя Гражданской войны ради низкорослого, уродливого и лысого очкарика, к тому же записного болтуна, краснбая и пустослова – этого понять не мог никто. Правда, были люди, которые говорили: «Не иначе, как голос крови. Ведь Радек-то – никакой не Радек, а львовский еврей Собельсон».

«Еврей Собельсон был гротескной фигурой, – вспоминал один из современников. – Маленький человечек с огромной головой, с торчащими ушами, с гладко выбритым лицом (в те дни он еще не носил этой ужасной мочалки, именуемой бородой), в очках, с большим ртом, в котором всегда торчала трубка или сигара. И при этом – виртуоз большевистского журнализма. Однажды Радек перебрал. На обвинение в том, что он плетется в хвосте у Льва Троцкого, Радек позволил себе неслыханное. «Уж лучше быть хвостом у Льва, чем задницей у Сталина!» – выпалил он. Надо ли говорить, что фраза тут же стала известна вождю народов, и он это припомнил: в 1936-м Радек был арестован, получил десять лет лагерей и там погиб: по некоторым сведениям, его убили уголовники».

Все это будет значительно позже, а пока Лариса и Радек наслаждались жизнью. Они даже открыли в реквизированном у буржуев доме нечто вроде светского салона, в котором бывали поэты, писатели, художники, политики и, конечно же, чекисты. Лариса тут же подвела под это идеологическую основу: «Мы строим новое государство, – говорила она, – мы нужны людям. Наша деятельность на виду. И было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, обладающим властью».

Увы, но сладкая жизнь продолжалась недолго. 9 февраля 1926 года Лариса умерла, причем очень нелепо: стакан сырого молока, брюшной тиф – и скоропостижная смерть. «Ей нужно было бы помереть где-нибудь в степи, в море, в горах, с крепко стиснутой винтовкой или маузером», – говорилось в некрологе.

Что касается бывшего мужа Ларисы, то Федора Раскольникова тоже ждал трагический конец. В этом смысле Лариса была, без преувеличения, роковой женщиной: все близкие ей мужчины умирали не своей смертью.

Справедливости ради надо сказать, что смертельный огонь на себя вызвал сам Раскольников. В 1939-м, будучи полпредом в Болгарии и ожидая перевода в Грецию, он получил телеграмму с приглашением выехать в Москву за новым назначением. Почуввав неладное, а тогда была репрессирована большая часть Наркоминдела, причем расстреливали всех – полпредов и консулов, машинисток и шоферов, поваров и дипкурьеров, секретарей и заместителей наркома, Раскольников возвращаться отказался. И не только отказался, но и под названием «Как меня сделали врагом народа» опубликовал в западных газетах своеобразное объяснение своего поступка.

Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы! На Западе, конечно же, знали о разгулявшейся в Советском Союзе кровавой вакханалии. Но так как некоторые процессы были открытыми и все подсудимые признавали себя виновными в шпионской, подрывной и иной антигосударственной деятельности, создавалось впечатление, что в СССР на самом деле существуют какие-то подпольные организации, стремящиеся к свержению существующего строя, а на серьезных постах угнездились вероломные враги народа. И вдруг выясняется, что никаких врагов народа нет, что все эти процессы – чистой воды спектакли и что главный режиссер сидит в Кремле! Удар по репутации Сталина был нанесен колоссальный.

Но эта бомба прозвучала детской хлопушкой по сравнению с «Открытым письмом Сталину», опубликованным на Западе в августе того же года: «Сталин, Вы объявили меня “вне закона”. Этим актом Вы уравнили меня в правах – точнее, в бесправии – со всеми советскими гражданами, которые под Вашим владычеством живут вне закона, – вот так, с первых строк, ставил все на свое место Раскольников. – Ваш “социализм”, при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата.

Вы растлили и загадили души Ваших соратников. Вы заставили идущих за Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей. С жестокостью садиста Вы избиваете кадры, полезные и нужные стране. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы истребили во цвете лет талантливых и многообещающих дипломатов. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает.

Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список имен Ваших жертв! Но рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Прозрела вся Европа, Азия и Америка, прозрели все, кроме многострадальных, замороженных и запуганных граждан Советского Союза. Они еще долго молились на сочащуюся кровью усатую икону.

Оставить без последствий такое разгромное письмо Сталин не мог, и в Ниццу, где в это время жил Раскольников, была направлена группа соответствующих специалистов НКВД. Ни

с того, ни с сего у Раскольникова началось воспаление легких, и 12 сентября 1939 года его не стало.

Во всем огромном Советском Союзе Федор Раскольников оказался единственным человеком, который осмелился бросить открытый вызов Сталину. А его слова: «Предпочитаю жить на хлебе и воде, но на свободе» стали своеобразным эпитафием ко всей его доблестной, насыщенной, увлекательной и в то время, когда рядом была Лариса Рейснер, счастливой жизни.

Глава пятая

На следующий день, когда я зашел к Лаеку, чтобы вернуть книгу, он с нетерпением спросил:

– Ну что? Как вам «Афганистан»? Понравился?

– Теперь так не пишут, – не без грусти ответил я. – Искренности не хватает, души, если хотите, правды сердца. Да и язык нынче совсем другой: слова какие-то деревянные, лишённые глубины и, я бы сказал, подтекста. Невольно вспоминается афоризм известного английского писателя Моэма Сомерсета: «Хорошо пишет тот, кто хорошо живет», – однажды заметил он. При этом имея в виду, что хорошо – значит, содержательно. Надо самому пройти через боль и радость, кровь и горе – только тогда сможешь написать об этом так, чтобы читателя взяло за душу. Или я не прав?

– Правы, – как-то особенно тепло взглянул на меня Лаек. – Очень правы. Сейчас – война, и глубинные, я бы сказал, истинные свойства души моих земляков стерты: главное – убить врага, пока он не убил тебя. Но на самом деле... Знаете, что, – азартно потер он руки и плеснул мне свежесваренного чая, – расскажу-ка я вам одну пуштунскую легенду. Я слышал ее от отца, а тот уверял, что эта история действительно произошла на его веку. В ней рассказывается о благородной, противоречивой и порой необъяснимой пуштунской душе. Ведь есть же такое понятие, как русская душа? Есть. Сколько ни бьются на Западе, а ее тайны постичь не могут. Так и у нас.

Лаек откинулся на спинку кресла, глянул на близкие горы и начал свой рассказ:

– Это случилось в провинции Пактия. Она – за этими горами, на юго-востоке моей многострадальной родины. Природа в тех местах суровая: отвесные скалы, бурные реки, густые леса. Народ там под стать природе: гордый, отважный, готовый к самым серьезным испытаниям. Лес – главное богатство провинции. Лето там жаркое, а зима снежная, морозная, так что крестьяне валят арчу¹², из которой делают древесный уголь.

В Пактии живут одни пуштуны. Но вот ведь беда: два самых сильных племени – зази и мангал – враждовали уже много лет из-за трех джерибов земли. Это всего-навсего два гектара, и стоили они не более ста тысяч афгани, но оба племени каждый год тратили на войну по три миллиона и хоронили не менее десятка юношей. Наконец вожди договорились, как разделить эту землю. Старики с этим согласились, а молодежь – нет. Не все, конечно, но экстремисты существовали и тогда.

Однажды молодой парень из племени зази по имени Ахмад узнал, что на селение Асмар налетела буря, сель разрушил мост через речку, а его друг Махмуд, пытавшийся отстоять мост, сильно пострадал. Ахмад решил навестить друга и отнести лекарства.

Путь из селения Алихель, где жил Ахмад, лежал через рухнувший мост. И тогда Ахмад решил идти кружным путем, через земли мангалов, в том числе и через те злосчастные три джероба. Ахмад знал, что не все мангалы дружелюбно относятся к зази, что среди них немало кровников, поклявшихся отомстить за гибель родных, но выхода не было – друг нуждался в его помощи. Ахмад захватил хурджун с подарками и едой, вскинул на плечо безотказный «лиенфильд»¹³ и на рассвете вышел из дома.

В тот же час из главного селения мангалов Манукзай на черном арабском жеребце в окружении друзей на охоту отправился сын вождя, Зарин-хан. Он был единственным сыном

---

¹² Арча – тюркское название различных видов крупных древовидных можжевельников, перешедшее в научную литературу.

¹³ «Лиенфильд» (Ли-Энфилд) – британская магазинная винтовка, основное оружие английской пехоты в Первую и Вторую мировые войны.

престарелого Джелад-хана и с нетерпением ждал, когда сам станет вождем. Но старик был на удивление живуч, и Зарин-хану ничего не оставалось, кроме охоты и пиров с друзьями.

Всем был хорош Зарин-хан: высок, строен, одет в белый партуг¹⁴ и голубой камис¹⁵. На голове – роскошный хвале¹⁶ с шелковым лонгаем¹⁷. Я уж не говорю об отделанном шелковой нитью васкате¹⁸. А как воинственно раскачивался над хвале¹⁶ яркий фаш!¹⁹ Как сверкали изумруды драгоценных перстней, украшавших холеные пальцы! Но вот беда: не росла у Зарин-хана борода. А ведь пророк когда-то сказал, что борода – украшение мужчины. Да и усишки у него были реденькие, обвисшие. А у настоящего пуштуна усы должны быть пышные, с закрученными вверх концами. Можно, правда, носить и небольшие, но тогда их надо настолько аккуратно подравнивать, чтобы пища ни в коем случае их не касалась. Это – закон. О бороде Зарин-хан даже не мечтал, старался компенсировать ее показной удалой и безрассудством.

И вот Аллаху было угодно сделать так, чтобы встретились сын крестьянина Ахмад и сын вождя Зарин-хан на той спорной земле, из-за которой пролито много крови. Зарин-хан первым увидел Ахмада. Он вздыбил жеребца и недобро спросил:

– Кто ты такой? И что делаешь на земле славных мангалов?

– Меня зовут Ахмад. Я иду в Асмар, чтобы проведать пострадавшего от бури друга.

– Так ты зази?!

– Да. Я сын этого достойного племени и нахожусь на нашей земле.

– На вашей?! Ты думаешь, если старики решили поделить эти три джероба пополам, мы с этим смирились?! Никогда! Эти земли принадлежат мангалам!

– Не знаю, как мангалы, а зази привыкли уважать слово старейшин.

– Ты, номард!²⁰ Как смеешь так говорить о мангалах?! Ты хоть знаешь, кто перед тобой?

– Ты на черном коне, значит, сын уважаемого Джелад-хана. Но зачем ищешь ссоры? Зачем оскорбляешь прохожего?

– Оскорбляю? Я просто называю вещи своими именами. Думаешь, если чуть не до ушей закрутил усы, значит, ты храбрец? Из ослиного хвоста твои усы! Вот так! – зло захохотал он. – Ты не просто номард, ты мурдагав!²¹

Ахмад побледнел и шевельнул плечом – ружье оказалось в его руках. По законам предков он должен был стрелять: то, что сказал Зарин-хан, для пуштуна немыслимое оскорбление. Но, во-первых, на Ахмада смотрели пять стволов, и, во-вторых, Ахмад понимал, что, спусти он курок, опять начнется бесконечная война между племенами.

Зази поставил приклад к ноге и, погасив гнев, сказал:

– Не надо, Зарин-хан. На этой земле и так пролито много крови. Пропусти меня с миром. Меня ждет друг. Ему плохо, и я несу лекарства.

– Нет, вы послушайте, что он говорит! – обернулся Зарин-хан к друзьям. – Он просит, чтобы я его пропустил. На колени, сын шакала и волчицы! Вот сюда! – И Зарин-хан выстрелил в землю.

Пуля взвизгнула у ног Ахмада.

– Не хочешь?! Тогда останешься на этой земле навсегда! – передернул затвор Зарин-хан.

Но выстрелить он не успел. Ахмад это сделал быстрее. Ствол «лиенфильда» еще дымился, а он уже кубарем катился вниз по ущелью. Друзья Зарин-хана открыли бешеный

---

¹⁴ Партуг – брюки.

¹⁵ Камис – рубаха.

¹⁶ Хвале¹⁶ – шапка.

¹⁷ Лонгай – чалма.

¹⁸ Васкат – жилет.

¹⁹ Фаш – торчащий, вроде гребня петуха, конец чалмы

²⁰ Номард – подонок.

²¹ Мурдагав – мужчина, который торгует своей женой.

огонь, но попасть в Ахмада не смогли. Тогда трое всадников развернули коней и поскакали по тропе, ведущей на дно ущелья, а четвертый, положив тело Зарин-хана поперек седла, повел черного жеребца в селение.

Ободранный, весь в синяках и шишках, Ахмад скатился в долину. Он понимал, что находится на земле мангалов и его ждет верная смерть. Спрятаться, дожидаться темноты и под покровом ночи пробраться домой – другого выхода не было. Но спрятаться негде: каменистое ущелье превратилось в широкую долину, где видна каждая травинка. Куда же бежать?

Вдруг сзади послышался топот копыт. Ахмад остановился. В запасе пять патронов, можно сразиться. А что потом? И тут Ахмад увидел дувалы какого-то селения. «К людям! – мелькнула мысль. – Надо бежать к людям, может быть, они спрячут». Из последних сил Ахмад рванулся к дувалам, и у самых ворот встретил седобородого старика.

– Что с тобой? От кого бежишь? – спросил аксакал.

– За мной гонятся. Хотят убить.

– Убить? – удивился стрик. – За что?

– В меня стреляли. Но я попал первым. Теперь за мной гонятся друзья убитого. Спаси меня, спрячь! – взмолился Ахмад. – А ночью я уйду.

– Ну что ж, гость – посланец Аллаха, – улыбнулся старик. – Я тебя спрячу. Проходи в мой дом и ничего не бойся. Здесь с твоей головы не упадет ни один волос. Так учит пуштунвалай²².

Ахмад перешагнул порог дома и облегченно вздохнул. Когда он смыл с себя грязь и переоделся в чистый костюм, который дал старик, раздался заполошный стук в ворота.

– Джелад-хан! – звучали возбужденные голоса. – Открой, Джелад-хан!

Ахмад обмер. «Ла-илаха ил-Аллах!»²³ За что такое испытание?! Зачем Аллах привел меня именно в этот дом?!» – в отчаянии подумал он.

– Что случилось? – степенно спросил Джелад-хан и открыл ворота.

– Мы гнали за человеком! – кричали всадники. – Он вошел сюда. Мы видели.

– Ну и что? Вошел. Аллах послал в мой дом гостя. Это большое счастье.

– Это большое несчастье, уважаемый Джелад-хан. Твой гость – убийца. Он убил твоего сына!

– Сына? – отшатнулся Джелад-хан.

– Да, он убил твоего единственного сына.

– Не может быть!

– Это произошло на наших глазах.

– Где же мой сын? Где?! Вы бросили его одного! – сверкнул глазами старик.

– Мы погнались за убийцей... А вот и Зарин-хан, – показали они на черного жеребца с телом молодого хана. – Отдай гостя! – требовали всадники. – Ты же не знал, что он убил человека.

– Не знал. Но он – гость.

– К тому же этот парень из племени зази.

– Тем более. Опять начнется война. Пусть кровь моего сына будет последней. А... за что он его?

– Если по правде, – замялись всадники, – Зарин-хан сам виноват. Парень шел в Асмар, Зарин-хан начал его оскорблять, а потом и стрелять. Зази стрелял лучше. Но все равно его надо убить! За молодого хана надо отомстить!

– Нет. Не могу. Нельзя. Нет большего греха, чем нарушить пуштунвалай. Оставьте меня. Нет, стойте! Зарин-хан убит в грудь?

– Да. Прямо в сердце.

---

²² Пуштунвалай – свод неписаных законов чести.

²³ Нет бога, кроме Аллаха!

– Значит, он шахид²⁴. Значит, хоронить надо сегодня же. И в его одежде, – добавил он. – Таков обычай.

Когда всадники удалились, Ахмад вышел из дома и направился к воротам.

– Ты куда? – остановил его хозяин.

– К ним, – кивнул он в сторону друзей Зарин-хана.

– Нельзя. Они тебя убьют.

– Какая разница, – пожал плечами Ахмад, – сегодня или завтра? Ты ведь не хочешь, чтобы кровь гостя пролилась в твоём доме – все пуштуны уважают этот обычай. И чтобы проклятие Аллаха не пало на твою голову, я выйду за ворота. Там друзья твоего сына смогут за него отомстить. Благодарю тебя, Джелад-хан, за гостеприимство, но находиться здесь больше не могу: я убил твоего сына, и ты вправе требовать моей крови.

– Конечно, вправе! – свел брови Джелад-хан. – Конечно, твой труп надо бросить собакам! Ты лишил меня самого дорогого – единственного продолжателя рода. Ах, сынок, сынок, – горестно склонился он над телом Зарин-хана, – я хотел видеть тебя Рустамом²⁵, мечтал возиться с внуками, видел наш род могучим и ветвистым, как горная арча, но этот заи лишил меня всяких надежд.

Вдруг старик резко выпрямился и властно позвал:

– Гульзарин!

– Я здесь, отец, – появилась на пороге девушка, закутанная в черную шаль.

– ...Тут я должен заметить, – назидательно поднял палец Лаек, – что Пактия – одна из немногих провинций, где женщины не носят паранджу и ходят с открытым лицом. Поэтому Ахмад ничуть не удивился, увидев сверкающие гневом агатовые глаза и плотно сжатые коралловые губы.

– Отведи гостя на женскую половину, – распорядился старик. – А ты сиди и не показывайся на глаза! – строго приказал он Ахмаду. – Что с тобой делать, решим через три дня. А сейчас мне надо попрощаться с сыном.

Похоронили Зарин-хана в тот же день. Как и предписано законом, его положили лицом к Мекке, а раз он шахид, на могиле установили шест с красным флажком – знаком пролитой крови, и зеленым – означающим, что он мусульманин.

Три дня в доме Джелад-хана продолжалась фатыха²⁶. Причем первые два дня еду приносили соседи, потому что пищу в доме покойника готовить нельзя. Зато на третий день большой, заключительный, обед готовился в доме.

Три дня Ахмад сидел за занавеской на женской половине, три дня жена и дочь Джелад-хана не замечали постороннего. Только Гульзарин время от времени подсовывала под занавеску пиалу с водой и черствую лепешку. Ахмад за эти дни совсем потух: глаза потускнели, усы обвисли, могучие плечи обмякли, а руки стали словно плети. Нет для пуштуна большего унижения, нежели презрение женщины! Ахмад испил эту чашу до дна.

И вот настал третий, последний, день жизни Ахмада. По крайней мере, он в этом ни секунды не сомневался. «Ну что ж, смерть – так смерть, – решил Ахмад. – Надо встретить ее достойно». С утра он тщательно побрился, закрутил усы, привел в порядок одежду и замер в своем углу.

– Иди. Зовут, – бросила на ходу Гульзарин.

Гнева в ее голосе уже не было. Чуткое ухо уловило бы в нем нечто вроде жалости и сострадания.

---

²⁴ Шахид – человек, погибший на войне. Все погибшие за правое дело – шахиды. Но если воин убит в спину – он уже не шахид.

²⁵ Рустам – имя легендарного героя, олицетворяющее храбрость, мужество и отвагу.

²⁶ Фатыха – поминки.

– Прощай, Гульзарин, – нарочито бодро улыбнулся Ахмад. – Не держи на меня зла. Поверь, я не хотел причинить горя вашей семье. Спасибо за хлеб и воду.

И тут делано бодрая улыбка Ахмада стала такой виновато-нежной и беспомощно-открытой, что Гульзарин не выдержала и запахнула шаль по самую макушку.

– Никогда не думал, – склонив голову, тихо закончил Ахмад, – что хлеб из рук девушки во сто крат вкуснее, чем даже из рук матери.

Ахмад вышел во двор и... обмер. Сотни полторы людей сидели на коврах, ели плов, шурпу и пили чай.

– А вот и мой гость, – представил его почерневший от горя Джелад-хан.

Мангалы тут же отложили еду и недобрыми глазами впились в Ахмада.

– Этот человек из племени зази, – продолжал Джелад-хан. – Он попросил у меня убежища, и я впустил его в свой дом.

– Но ты не знал, что он убийца твоего сына! – раздался чей-то гневный голос.

– Не знал. А если бы знал, то убил бы его на пороге своего дома.

– Смерть ему! Смерть! – кричали молодые мангалы.

Старики молчали. Они чувствовали, что Джелад-хан задумал что-то необычное. Но что?

– Я не спал три ночи, – поднял руку Джелад-хан. – Я просил у Аллаха разрешения забыть закон гостеприимства, я ждал какого-нибудь знака, подтверждающего это разрешение. И не дождался! Аллах мудр, он знает, что нельзя менять законы только потому, что они кому-то неуютны или доставляют лишние хлопоты. И тогда я решил...

Джелад-хан сглотнул воздух. Протянул пиалу. Ему плеснули чаю.

– И тогда я решил...

Джелад-хан никак не мог произнести то, что выстрадал долгими ночами. Он понимал, принятое решение настолько чудовищно, что соплеменники его не поймут и осудят. Но Джелад-хан был вождем мужественных и благородных мангалов, поэтому в глубине души он надеялся, что присущее пуштунам здравомыслие возьмет верх.

– Я стар, – продолжал Джелад-хан. – Сына у меня не стало. А дочь – она и есть дочь, рано или поздно уйдет в другой дом. Значит, мой род прервется. И тогда я решил выдать Гульзарин за этого зази. Нет сына, так пусть будет зять! – выпалил Джелад-хан.

Кто-то охнул, кто-то вскрикнул, кто-то схватился за кинжал... А потом над мангалами повисла тревожная и очень опасная тишина. Чего только ни случалось в многовековой истории пуштунов, но чтобы отец выдавал дочь за убийцу единственного сына, такого не могли припомнить даже самые старые спингиры²⁷. Решение Джелад-хана было настолько противоестественным и неожиданным, что даже крикуны прикусили язык. Все чувствовали, что в словах вождя есть какая-то высшая, непонятная им мудрость.

И тогда поднялся самый старый и самый уважаемый аксакал.

– Я прожил сто десять лет, трижды ходил в Мекку, схоронил всех своих детей, – начал он, устремив взгляд в прошлое, одному ему памятное. – Великий и всемогущий Аллах, даровав мне такие суровые испытания, все же ниспослал одну из величайших милостей – не отнял у меня разума. Я думал, что мое имя войдет в историю не только мангалов, но и всех пуштунов, а теперь вижу: по сравнению с Джелад-ханом я неразумный ребенок. Трудно понять, а тем более принять его слова, но поверьте старому Рахиму: о поступке Джелад-хана наши внуки и правнуки будут петь песни и слагать ланды. Слава мудрейшему из мудрых и благороднейшему из благородных на этой прекрасной земле! Слава Джелад-хану!

Все вскочили и радостно зашумели. Сосед смотрел на соседа, брат на брата и со счастливым изумлением обнаруживал, что более широкого, милосердного, гордого и открытого чело-

---

²⁷ Спингир – седобородый, чаще всего – старейшина.

века никогда не видел. Скажи сейчас кто-нибудь: умри во благо других – и каждый, не задумываясь, приставил бы ствол к виску.

Чего угодно ждал Ахмад, но только не этого... Он приготовился к мучительной смерти, а оказывается, надо готовиться к счастливой жизни. Зардевшаяся Гульзарин тут же убежала к матери. Старики начали снаряжать всадников в Алихель, чтобы привезти родителей и ближайших родственников Ахмада. Джелад-хан отдавал распоряжения по подготовке свадебного пира.

И тут кто-то произнес слово «калым». Джелад-хан брезгливо отвернулся. Ахмад знал, что отец невесты вправе отказаться от выкупа за дочь, но для жениха в этом есть нечто унижающее. Он метнулся в дом, пошарил в закутке, где провел три кошмарных дня, и тут же выскочил во двор.

– Уважаемый Джелад-хан, – склонился он перед хозяином, – сперва вы подарили мне жизнь, а потом и прекрасную дочь. Аллах, только он, великий и всемогущий, знает, как я вам благодарен! Отныне моя жизнь – ваша. Берите и распоряжайтесь ею, как хотите. Но позвольте мне не нарушать обычая предков. Я человек бедный, у меня нет ни денег, ни баранов, чтобы заплатить калым. Но есть у меня бесценная вещь, дороже которой ничего нет в нашем роду. Посмотрите на этот «лиенфильд». Видите, какая прекрасная гравировка, какая богатая инкрустация! Ее ценой собственной жизни добыл в бою с англичанами мой дед. Вы лучше меня знаете, что значит для пуштуна оружие, недаром говорят, что пуштун с саблей родился и с саблей в руке умрет. Примите, Джелад-хан это ружье. И пусть оно стреляет только на праздниках!

Потрясенный Джелад-хан взял из рук Ахмада роскошный «лиенфильд», осмотрел гравировку, не удержался, вскинул приклад к плечу, прицелился и восторженно вздохнул:

– Да-а, это потрясающее ружье! Я такого никогда ни у кого не видел!

А потом приехали родственники Ахмада. Появился и мулла. Он, в присутствии трех свидетелей с той и другой стороны, давших клятву в порядочности жениха и невесты, спросил, хочет ли Гульзарин видеть Ахмада своим мужем и, пока она три раза не сказала «да», не объявлял их мужем и женой.

После этого подвели коня. Одетый во все белое, Ахмад взлетел в седло, позади него села облаченная в красное платье Гульзарин, и под пение зурны и гром праздничных выстрелов они уехали в Алихель. Брачную ночь молодожены должны были провести обязательно в доме жениха. Таков обычай.

Наутро они вернулись к Джелад-хану. Пир продолжался еще три дня и три ночи. Ахмад стал называть Джелад-хана отцом, а племена зази и мангал на веки вечные породнились, – закончил рассказ Лаек.

Потом поэт встал, ткнул в гору окурков последнюю сигарету, снова сел, устало откинулся на спинку кресла и спросил:

– Ну, как вам легенда?

– Мне кажется, что все это случилось на прошлой неделе! – восхищенно ответил я.

– Может быть, и так, – усмехнулся Лаек. – В том-то и сила этой легенды, что она – на все времена. Нисколько не сомневаюсь, что и сто лет спустя она будет жива, понятна и близка всем. Думаю, теперь вы будете лучше знать, какие мы – пуштуны. А без этого, извините, лучше не соваться с наставлениями и поучениями, как нам разрешать свои непростые проблемы.

– Я все понял. Спасибо за урок. Все это я должен был прочесть и узнать дома. Я просто не имел права ступить на землю Афганистана, не познакомившись с ландьями, легендами и многовековой историей страны.

– Ну, это вы уж слишком, – лукаво глядя сквозь очки, заметил Лаек. – Ничего, все поправимо. Я дам вам книги, познакомлю с людьми, знающими историю лучше меня. Но для начала нужно съездить в Джелалабад. Впрочем, съездить не удастся, – нахмурился Лаек, – в некоторых местах дорога контролируется душманами. Но слетать можно.

Там увидите то, чем я сейчас живу. Мое любимое детище – Культурный центр пуштунов. Идея такова: пуштуны разобщены, одни в Афганистане, другие – в Пакистане, третьи вообще кочуют. Где им собраться, где обсудить свои проблемы, где просто пообщаться и поговорить? Вот мы и строим в Джелалабаде просторный клуб. Потом появится гостиница, мечеть, школа для взрослых, поликлиника, больница, библиотека. Каково, а?! – Лаек азартно потер руки. – Через год-другой построим такие же центры для таджиков, узбеков, белуджей, хазарейцев и всех других народов.

– Когда летим? – поднялся я.

– Завтра! – блеснул очками Лаек.

Глава шестая

Но назавтра мы не улетели. К утру Лаеку стало хуже, и врачи категорически отказались его выписывать. Я заметался. На самолет не попасть, к кому обращаться за помощью – неизвестно. Отчаявшись, позвонил Рашиду. Меня попросили перезвонить через полчаса. Перезвонил. Сказали, что все в порядке: за мной заедут завтра в пять утра.

Когда приехали в аэропорт, я сразу обратил внимание на молчаливую толпу, стоявшую на краю летного поля.

– Что случилось? – спросил я.

– Душманы сбили пассажирский самолет, – ответили мне из толпы.

– Прямо здесь?

– Да, на подходе к аэродрому. У них теперь американские «стингеры», а от этих ракет спастись трудно. Это я знаю – испытал на себе однажды.

От Шинданда до Кабула два часа лета. Взлетели мы тогда, как и положено, штопором ввинчиваясь в небо: набирать высоту по прямой нельзя. В горах – душманы, можно попасть под их ракетный или пулеметный огонь. Чем дальше мы удалялись от Шинданда и чем быстрее темнело, тем сильнее я ощущал нарастание в кабине неясной для меня тревоги. Наконец не выдержал и спросил:

– В чем дело? Что-нибудь с моторами? Или с шасси?

– С этим полный порядок, – ответил командир. – Темнеет быстро, вот в чем закавыка. Засветло до Кабула не дотянем.

– Ну и что? Разве вы не умеете сажать самолет ночью?

– Мы-то умеем, – переглянувшись со штурманом, заметил командир. – Главное, чтобы нам позволили это сделать.

– Кто?

– Душманы. Вы что, первый раз летите над Афганистаном?

– Да.

– Ну, тогда ваша неосведомленность простительна. Беда в том, что у душманов появились переносные «стингеры». Мы летим на высоте семь тысяч метров, а душманы сидят на вершинах трехкилометровых гор. Короче говоря, достать нас проще простого. Днем-то они не высовываются, а вот ночью наглеют. Да и ночь сегодня, как назло, лунная.

– А вот сверкнул какой-то огонек, – заметил я. – Еще один. И еще. Что это?

– Они. Поджидают! – сквозь зубы процедил командир и резко изменил курс.

Дальше полет проходил спокойно. Но когда до Кабула оставалось совсем немного, каких-нибудь десять минут лета, и мы потихоньку начали снижаться, на одной из вершин полыхнул сноп огня!

– Вижу пуск ракеты, – доложил бортмеханик. – Направление – правый двигатель.

– Понял. Отстрелять ловушки! – приказал командир.

И тут же от нашего левого борта полетели какие-то ярко-огненные шары.

– Это и есть ловушки? – удивился я. – И кого они ловят?

– Не кого, а чего, – поправил меня командир. – Дело в том, что «стингеры» – ракеты самонаводящиеся по тепловому принципу, то есть на самое горячее место самолета – на двигатель. А ловушки, которые мы выпустили, тепла излучают больше, чем моторы.

– И уводят ракеты за собой? – догадался я.

– Так точно, – по-военному ответил командир. – Вовремя наш бортмеханик заметил пуск ракеты. Видите, она пошла гораздо левее, – кивнул он на промелькнувший за иллюминатором огненный след.

Бортмеханик афганского пассажирского самолета пуск ракеты не заметил. Она угодила в двигатель, вспыхнул пожар и самолет начал терять управление. Пилот не выпускал штурвала до последней секунды и так обгорел, что его тут же отправили в ожоговое отделение госпиталя. В ужасном состоянии были и пассажиры – в основном женщины и дети. Из самолета их вытаскивали, вместе с кожей срывая тлеющую одежду.

Я влился в толпу, стоящую у самолета. Люди молчали. Никто не произнес ни слова. Обо всем говорили их глаза: они сузились до прорези прицела и холодной решимости мстить.

Кто-то тронул меня за локоть:

– Пора. Самолет на рулежной дорожке.

Я поднял глаза: предо мной стоял афганский летчик в звании капитана. Знакомое лицо. Тонкий нос, гвардейские усы, пронзительный взгляд. Нет, мы не встречались, но лицо знакомо. Теперь буду мучиться, пока не вспомню, где видел этого летчика.

Разбег. Взлет – и мы начали ввинчиваться в небо прямо над улицами Кабула. Голубизна, ширь, островерхие горы – красота! Просто не верится, что где-то за камнем сидит душман и сопровождает нас своим «стингером», выжидая, когда можно будет пустить ракету.

Но вот самолет поднялся на семь с половиной километров и лег курсом на Джелалабад. Из кабины вышел тот самый капитан, спросил, как мы себя чувствуем, предупредил, что снижаться и садиться будем по-истребительному, резко и на большой скорости, поэтому возможны перегрузки.

– А зачем это? – спросил кто-то.

– Глиссада идет над «зеленкой». А от зеленой зоны можно ждать любых сюрпризов. Ничего, сядем, – успокоил капитан и вернулся в кабину.

– Раз за штурвалом Шерзамин, все будет в порядке! – убежденно сказал мой сосед.

– Шерзамин? Так это он?! – вскочил я.

– А вы не узнали?

– Узнал! Теперь узнал! – обрадовался я и, путаясь в ремнях и лямках, двинулся в кабину.

Как я извинялся, что не узнал одного из четырех живых Героев Афганистана, как валил всю вину на некачественные фотографии и плохо отпечатанные плакаты, как просил найти для меня хотя бы часик! Однако Шерзамин смутился еще больше меня: видно, не успел привыкнуть к популярности.

– Часик? – переспросил он. – Как раз столько будем в воздухе. Задавайте ваши вопросы, – повернулся он ко мне, передавая управление второму пилоту.

Шерзамин отлично говорил по-русски. За час в небе я узнал столько, сколько на земле не узнал бы и за сутки. Шерзамину всего двадцать шесть. Родился и вырос в кишлаке Сорхкала, что под Кундузом. Отца почти не помнит. А вот старшего брата...

– Ему я обязан жизнью, – протер внезапно покрасневшие глаза Шерзамин. – Когда в кишлак пришли душманы, я был в школе. Нас выгнали на улицу, сбили в кучу и сказали, что сейчас расстреляют. Девчонки зарыдали, первоклашки, ничего не понимая, открыли рты, а мы, старшеклассники, решили умереть стоя. Чтобы пуштун опустился на колени и просил пощады – никогда! Душманы дали несколько очередей поверх голов, посмеялись, крикнули, что займутся нами позже, и принялись за учителей. Их растерзали на наших глазах. Потом взорвали и сожгли школу. Особенно веселились, когда бросали в огонь книги и тетради. А вот глобус не горел! Хороший был глобус, его прислали из Москвы. Как мы любили путешествовать по этому разноцветному шару! А теперь его пытались сжечь. Но не горел наш глобус, и все тут! Тогда «духи» остервенели окончательно и, не жалея патронов, расстреляли наш глобус из автоматов.

Шерзамин бросил взгляд на приборы, ободряюще кивнул второму пилоту и снова обернулся ко мне:

– Пока решалась наша судьба, другая банда громила Сорх-калу: по-русски это – Красная крепость. Да какая там крепость, глинобитные домишки и такие же дувалы. Но даже их сожгли. Моего старшего брата пытались затащить в банду и сделать душманом. Надир отказался. Тогда ему предложили выбор: или смерть, или вместо себя отдать двух младших братьев, то есть меня и Абдула. Надир не подозревал, что мы находимся в руках душманов. Он выбрал смерть.

А нам повезло. Откуда-то появились малиши – люди из отряда защиты революции, и душманы отступили в горы. Мы похоронили учителей и попросили дать нам оружие. Я получил «калашников». Как же здорово он мне тогда послужил! Этот автомат стал моим лучшим другом. Именно с ним я участвовал в штурме своего родного кишлака. Ни одного живого душмана из Красной крепости мы не выпустили, а их трупы бросили собакам, – скрипнул зубами Шерзамин. – Тогда же я узнал о том, как погиб мой старший брат. Душманы думали, что, замучив и расстреляв Надира, запугают все село. Черта с два! В их банду все равно никто не вступил. И тогда они совсем озверели: сорок подростков и молодых мужчин убили за отказ воевать на их стороне. Мои земляки предпочли измене смерть! – с гордостью закончил Шерзамин и обернулся ко второму пилоту. – Скорость? Курс?

Тот что-то ответил, и Шерзамин удовлетворенно кивнул:

– Порядок. Давай-ка чуток повыше, а то впереди трехтысячник, с него нас могут достать.

Потом Шерзамин рассказал, с какими тяжелыми боями их группа пробивалась в Кундуз, как горел он жадной мести, как написал рапорт, начальству, в котором просил направить его в военное училище, как был рад, что его зачислили на пехотный факультет, что он станет именно пехотным офицером и сможет своими руками убивать душманов.

– И вдруг неожиданный поворот судьбы, – улыбнулся Шерзамин. – Пришли врачи и стали отбирать самых здоровых ребят для авиационных училищ. Я далеко не богатырь, но... медицинскую комиссию прошли всего три человека, в том числе и я. Вскоре нас отправили в Советский Союз. Ни за что бы не поверил, если бы год назад мне сказали, что я буду учиться летать, и не где-нибудь, а в Краснодарском авиационном училище имени Героя Советского Союза Анатолия Серова. Семьдесят питомцев училища стали Героями, а четверо – дважды Героями Советского Союза. Здесь стали на крыло космонавты Комаров, Хрунов и Горбатко, а в довоенные годы его окончил легендарный Алексей Маресьев... Так, трехтысячник прошли, – обернулся он ко второму пилоту, – начинай потихоньку снижаться... И вот ведь как бывает, – продолжал Шерзамин свой рассказ, – я мечтал о сверхзвуковых скоростях, о полетах в космос, а повторить пришлось во многом, путь Маресьева. А то, что веду самолет, пусть и не истребитель, а транспортный Ан-26, самое настоящее чудо, которое совершили врачи.

– А что было до госпиталя? – не мог не спросить я.

– Сбили. В мой Су-22 угодила ракета. За два года больше тысячи боевых вылетов, сотни успешных бомбежек в Панджшере, Кунаре, Газни, а вот у Хоста не повезло. Мы работали звеном. Четыре самолета бомбили ущелье, в котором засела большая банда. При выходе из пике я получил «стингера», причем прямо в кабину. Ноги – в кровь, кисть правой руки – в осколки. Начался пожар. Высота всего восемьдесят метров. Решил катапультироваться. Потянулся к красной ручке, а схватить-то нечем. Рванул левой! И очень вовремя – через мгновение самолет взорвался. Приземлился в ста пятидесяти метрах от душманской базы. Они меня видели и даже приветственно помахали руками. При этом «духи» прекрасно понимали, что я никуда не денусь, и продолжали бой с самолетами. Первое, что я сделал, нашел между камнями щель и засунул туда документы и карты. В щель побольше забрался сам: самолеты вели такой сильный огонь, что я мог погибнуть от своих. В десяти метрах от меня работал душманский пулемет, а я лишь глазел и ругался: мой вылет был таким скоропалительным, что в спешке я забыл пистолет.

Шерзамин потер заметно побелевшую кисть правой руки и спросил:

– Может быть, хватит? То, что было дальше, очень невеселая история. Я ее никому не рассказывал. Начинать-то начинал, но закончить не мог.

– Волнуетесь?

– Нет. Скорее всего, в душе еще не все отболело. Как начну прокручивать в голове эту историю заново – шрамы горят огнем, осколки бродят под кожей, а сердце закипает такой злостью, что кажется, вот-вот разорвется. В такие минуты я сам себя боюсь.

– Вы начните, – как можно мягче попросил я. – Начните, а там будет видно. Почувствуете, что трудно, тут же остановитесь.

– Да, я через это должен перешагнуть. – стиснув совсем уже белую кисть, прошипел Шерзамин. – Должен! Иначе я не пуштун...

Так вот, крупнокалиберный пулемет бьет по моим товарищам, а я в десяти метрах от него, но беспомощен, как годовалый ребенок. Осмотрелся... Из ног течет кровь, из руки просто хлещет, комбинезон посечен осколками, но самое скверное – потерялись ботинки. При катапультировании такое бывает: шнурки почему-то рвутся и ботинки с ног слетают.левой рукой кое-как перевязал раны и выбрался из щели. Лучше смерть, чем плен, решил я, и пополз прямо под пулеметными очередями. Не задело. «Значит, еще рано, значит, такова судьба», – решил я.

Добрался до кустов и начал взбираться на небольшую горюшку: осмотреться, куда двигаться дальше. Взглянул на часы, на эти самые, – показал он хорошо знакомые «командирские». – Как ни трудно в это поверить, но после всех пертурбаций они ходят до сих пор и стали моим талисманом, только стекло заменил. Так вот стрелки показывали девять ноль-ноль. Хост на западе – значит, тянуть нужно туда.

Пошел... Острые камни, колючки, сучья, а я босиком. Боль адская. И кровь не останавливается. Оглянулся – за мной красный след. Взять меня было проще простого, но душманов подвела самоуверенность. А может, деньги делили, потому и не спешили: никуда, мол, этот летун не денется, он на нашей территории.

– Какие деньги? – не понял я.

– У каждого душмана, как самое святое, в кармане хранится преysкурant на человеческие души. Убил или взял в плен летчика – получай миллион афгани, пехотного полковника – восемьсот тысяч, подполковника – пятьсот, капитана – двести, лейтенанта – сто тысяч.

– А кто платит?

– Те же, кто дает оружие... Через три часа я пересек ущелье и забрался на Черную гору, – продолжал Шерзамин. – Смотрю, кружит самолет. Ребята ищут мой труп, догадался я. Но я не труп, я живой! Содрал с себя остатки комбинезона, соорудил нечто вроде флага и начал этими тряпками размахивать. Увы, но моего сигнала друзья не заметили и улетели восвояси.

Дело прошлое, но в этот момент я совсем раскис. Правая рука стала темно-синей, в глазах круги, ноги не держат, ступни превратились в кровавое месиво. «Пропади все пропадом», – подумал я, и подошел к краю пропасти: «Прыгну – и конец мучениям!» Но потом зло взяло: умереть, не захватив с собой ни одного «духа»?! Нет уж, черта с два, такому не бывать!

Спустился вниз. Трава выше пояса, острая, как бритва. К боли притерпелся, а вот змей боялся: их в траве видимо-невидимо, и не какие-нибудь гадючки, а гюрзы да кобры. Их укусы смертельны, это я хорошо знал...

И тут Шерзамин не просто рассмеялся, а заразительно расхохотался:

– Как думаете, чем я этих гадюг отпугнул? Вернее, заморозил? – вытерев слезы, спросил он. – Ведь ни одна тварь меня так и не тронула.

– Понятия не имею, – развел я руками. – Разве что прошли курс обучения у индийских факиров и знали, как у нас говорят, «петушиное слово».

– Слово тут не поможет. Ведь змеи глухие. Если даже полковой оркестр от натуги побавровеет, ни одна кобра ничего не услышит. Так что все эти фокусы с дудкой, под звуки которой змея как будто танцует, дешевая профанация. На самом деле факир много раз лупил кобру этой дудкой по носу, поэтому она, пока видит дудку, на него не бросается.

– Откуда вы это знаете? – удивился я.

– От Абдула. Брат Абдул с детства любил возиться с живностью, а когда подросток, стал змееловом. Сколько он этих гадов переловил, уму непостижимо!

– Но зачем? – не понял я. – Для зоопарков, что ли?

– Какие там зоопарки! – досадливо отмахнулся Шерзамин. – Для дела он их ловил, для того, чтобы этих кобр и гюрз доить.

– Доить? – поперхнулся я, и тут же сморозил глупость. – Разве у них есть вымя?

– Тьфу, ты! – крикнул от досады Шерзамин. – Вымени у них нет, зато есть ядовитые зубы. Той же гюрзе или кобре дают укусить край стакана – и яд стекает на дно. Произвести эту процедуру – значит, змею «подоить», так говорят профессионалы, – добавил он.

– А зачем это нужно? Кого собирался травить этим ядом Абдул?

– Не травить, а лечить, – терпеливо объяснял Шерзамин. – Слышали что-нибудь о таких лекарствах, как випросал, лебетокс, кобротоксин? Их успешно применяют при самых тяжелых заболеваниях, в том числе онкологических. А делают из змеиного яда.

– Здесь, в Афганистане? – уточнил я.

– Нет, у нас пока что не тот уровень фармацевтической промышленности. Абдул отправляет яд в Ташкент, и там из него делают лекарства.

– Ну вот, теперь понял, – на всякий случай приложил я руку к сердцу. – Спасибо за науку. Но как же вы все-таки заморозили тех змей, которые расплодились у Черной горы? – не без подвоха спросил я.

– Я их припугнул, – включился в игру Шерзамин. – Сказал, что пожалуюсь Абдулу, он их всех переловит и будет доить по три раза в день.

– И они испугались?

– Еще бы! Абдула знают и уважают все змеи Афганистана. От него зависит, будет ли существовать змеиный род в том или ином ущелье: он ведь может поймать всех до одной, а может, чтобы род не прекратился, десяток-другой оставить, – без тени улыбки закончил Шерзамин.

– Ну ладно, змеи вас пощадили, – посчитал я эту тему исчерпанной. – Но ведь надо было двигаться дальше?

– Вот именно, – подхватил Шерзамин. – Со змеями я разобрался, но появился новый враг – шакалы. Они почуяли легкую добычу и начали меня окружать. Отбиваться нечем, правая рука, как плеть... Спасла зажигалка. Из сухой травы я смастерил нечто вроде факела и время от времени его поджигал. С добычей, источающей огонь, шакалы решили не связываться и оставили меня в покое.

В одиннадцать десять я наткнулся на караван: шесть верблюдов тащили тюки с оружием. «Отличная цель для летчика, – с досадой подумал я. – Правда, когда он не ковыляет по земле». Иногда встречались и люди, но я их сторонился. Потом появился капитан Фролович – именно он в училище поставил меня на крыло. Его сменила мать, потом мой старший брат Надир, затем майор Лопатин, научивший летать на Су-22. В общем, я потихоньку сходил с ума...

А тут еще раскаленное солнце и дикая жажда. Я старался держаться зелени, думал, раз есть трава, то должна быть и вода, но ее не было. И все же в шестнадцать тридцать я набрел на русло речки. Обрадовался несказанно! Но русло пересохло. Раскопал песок – он еще хранил влагу. Я брал этот песок в рот, клал на сердце. А ноги от песка горели, будто на раны сыпали перец.

Побрел дальше... К этому времени я находился в каком-то полуобморочном состоянии, чувство осторожности и самосохранения покинуло меня окончательно, и, видимо, поэтому я напоролся на душманский лагерь. Обойти его было невозможно – везде скалы. Тогда я решил дожидаться темноты и, будь что будет, двигаться прямо через лагерь. Идти я не смог, пришлось

ползти. В палатках шумно ужинали, копошились у костров, ходили туда-сюда... Бывает же такое везение – душманы меня не заметили!

Прямо за лагерьем я свалился в глубокую яму и потерял сознание. Как выбрался, не помню. Зажечь факел я не мог, его заметили бы душманы. Опять куда-то провалился. А когда открыл глаза и пришел в себя, то сразу понял, что окончательно спятил. Фиолетовое небо и яркие звезды были не наверху, а подо мной, внизу. Но тут до меня дошло – это же отражение, рядом вода! Встряхнулся. Раскрыл глаза пошире: мама родная, я лежу на краю большущей ямы, а в ней вода! Забрался прямо в нее и пил, пока снова не потерял сознание. Когда начал захлебываться, пришел в себя и попытался выбраться. Не могу, будто вмерз. И трясучка напала такая, что зуб на зуб не попадает.

Если бы опять не приблизились шакалы, наверное, ни за что бы оттуда не выбрался, но уж очень не хотелось попасть этим тварям на ужин. Снова пополз, перекашиваясь с боку на бок, от боли и потери крови совсем оступел, будто деревянный стал. И вдруг голос: «Внимание! Не спи!» Так переключаются часовые. Вскрабкался на пригорок, смотрю, вдали огни Хоста, а совсем рядом погранпост. Хотел крикнуть – не получилось, язык распух.

Ну, приказал я себе, последний бросок! Хорошо, хоть вовремя остановился – вспомнил, что вокруг погранпостов всегда ставятся минные поля. Не хватало еще подорваться на своей же мине! Решил ждать рассвета... Через полчаса почувствовал: конец, умираю. Так стало спокойно – верный признак приближающейся смерти. Шакалы это тоже почувствовали и обступили меня со всех сторон. Что оставалось делать? Лучше подорваться, чем достаться шакалам! И я пополз по минному полю.

Мать за меня молилась или жена, не знаю, но ведь не бывает же на свете таких чудес, чтобы не задеть ни одной мины! У самого поста как мог громко засипел: «Солдаты, я свой!» В ответ – автоматная очередь. Спрятался за камень, а оттуда снова: «Я ранен. Я свой». На этот раз стрелять не стали, а громко приказали: «Руки вверх! Иди к нам!» Надо подниматься, идти, а сил уже нет. Пошел на четвереньках. Около дерева поднялся, прислонился к стволу. «Кто ты такой?» – раздалось от поста. Я прошептал: «Летчик» – и на целый месяц провалился в небытие.

Потом мне рассказывали, как бесились душманы, потеряв свой миллион афгани. Об этом сообщил пленный. Оказывается, они обшарили всю округу, то шли по моим следам, то теряли. К минному полю мы приблизились почти одновременно. Помедли я еще пять минут, болтаться бы мне в петле... Хасан, вижу полосу. Управление беру на себя, – тем же тоном сказал Шерзамин второму пилоту.

Я смотрел, как спокойно и уверенно ведет самолет Шерзамин, и не понимал, почему он не вернулся в истребительную или штурмовую авиацию. Когда спросил, у него вздулись желваки, но ответил он довольно спокойно:

– У летчика-истребителя главный инструмент – правая рука. А у меня она склеена из десятка осколков, все мышцы, нервы и сухожилия шиты-перешиты. Говоря откровенно, кисть я вообще не чувствую, даже рукопожатия не ощущаю. Я же говорил, это чудо, что вообще веду самолет.

– А переучивались вы там же, в Краснодаре?

– Нет, на этот раз совсем близко от дома, – улыбнулся Шерзамин. – Если бы разрешили, во время учебного полета я мог бы дотянуть до Кабула и навестить родных. Есть в Киргизии такой город Фрунзе – раньше он назывался Бишкек, а на его окраине – аэродром, где проходят переподготовку летчики вроде меня. Не обязательно после ранений, а, скажем, по каким-то причинам пилот пересаживается с истребителя на бомбардировщик. Где его переучивать? Во Фрунзе. На это уходит не меньше полугода. Когда я туда попал, то сначала даже растерялся – ни одного русского лица: алжирцы, кубинцы, ангольцы, бразильцы, гвинейцы, перуанцы – кого там только не было!

– А инструкторы?

– Инструкторы, конечно, русские. Самый известный среди них был майор Смирнов. Никогда его не забуду! А вы знаете, кого он поставил на крыло? Ни за что не догадаетесь! Ну, ладно, подсказу. Его ученики сейчас президенты своих стран.

Я тут же сдался, и только развел руками.

– Вот-вот, ни я, ни мои сокурсники тоже не догадались. Не догадались и после того, как Смирнов прочитал нам служебные характеристики своих учеников. В одной из них говорилось: «Скромный, интеллигентный, доброжелательный офицер в звании старшего лейтенанта. Летать любит. В воздухе – собран, расчетлив, в меру азартен. Будет хорошим командиром эскадрильи».

– Ну, это не подсказка, – разочарованно заметил я, – такую характеристику можно дать любому добросовестному летчику.

– Можно-то можно, но не каждый добросовестный летчик становится президентом. А вот что Смирнов написал про второго: «Спокойный, уравновешенный, чрезвычайно любознательный летчик. В работе не признает мелочей, до всего стремится докопаться самостоятельно. Летает уверенно. Прибыл в звании майора и должности командира полка. Успешно справится с командованием дивизией».

– Как вы все это запомнили? – удивился я. – Шпарите, прямо, как выученные наизусть стихи.

– А вот тут вы попали в точку! – хохотнул Шерзамин. – На уроках русского языка, вместо того чтобы зубрить, как «буря мглою небо кроет», я учил то, что может пригодиться – правила, уставы, инструкции. А потом, на спор, без особого труда, запомнил несколько строчек про старлея и майора. Уж очень хотелось поддеть Смирнова, когда тот бывал излишне требователен: не разглядел, мол, в старшем лейтенанте генерала армии, а в майоре – маршала авиации... Ладно, больше мучить не буду, – смилостивился Шерзамин. – Старший лейтенант – это президент Сирии Хафез Асад, а майор – президент Египта Хосни Мубарак.

– Вот так-так! – чуть не подпрыгнул я.

Шерзамин смело совершил противозенитный маневр, лихо притер самолет к полосе, стремительно вывел его на рулежку и решительно, но по-кошачьи мягко остановил.

Прощаясь с Шерзamiном, я хотел произнести высокие слова о подвиге, долге и мужестве, о том, что, как Маресьев стал образцом для подражания тысячам юношей своего поколения, так и Шерзамин станет примером для молодых афганцев. Но к самолету подъехали санитарные машины, из них стали выгружать раненых и вносить в самолет. Шерзамин помогал их укладывать, первым хватался за носилки, ругаясь, если санитар оступался и раненый вскрикивал. Я понял, что говорить ничего не надо. Здесь слова не в чести. Я бросил свой чемодан и взялся за носилки...

Глава седьмая

Несколько дней я провел в Джелалабаде. Здание Культурного центра было почти готово, но не хватало рабочих рук. Позвонили Лаеку. Он подумал и посоветовал: «Обратитесь от моего имени к старейшинам кочевых племен».

Прошли всего сутки – и строительная площадка оказалась запружена загорелыми но, к сожалению, неразговорчивыми людьми. И все же кое с кем из них я познакомился. Например, Гуль-хан сообщил, что в их племени три тысячи человек.

– И две с половиной тысячи верблюдов и овец, – добавил Шамай.

– У каждой семьи своя палатка, – гордо заметил Мир-ахай.

– А оружие? – поинтересовался я. – У каждого ли мужчины есть оружие?

Собеседники сделали вид, что не поняли вопроса... Но больше всего меня поразило то, что ни один из них не смог назвать своего возраста: паспортов им не выдавали, и никто не знал, сколько ему лет.

Работа шла своим чередом, а я заскучал: кочевники явно избегали бесед с незнакомым шурави. И тогда один из руководителей стройки посоветовал съездить на контрольно-пропускной пункт Сорх-диваль.

– Это совсем близко от границы, и посмотреть там есть на что, – сказал он. – Заодно передадите привет моему земляку Абдулсаттару.

Я с радостью ухватился за предложение. Когда мы подъехали к КПП, капитан царандой²⁸ Абдулсаттар только что проснулся. «Будильник», который не надо было ни заводить, ни подпитывать батарейками, сработал, как всегда, четко: в четыре тридцать у него начала ныть и конвульсивно дергаться нога.

– Но почему только в пятницу, – недоумевал про себя Абдулсаттар, – почему именно в день джумы²⁹, когда все тянутся на базар? В другие дни бегаю, как горный козел, но как только пятница...

Капитан выбрался из дота, недобро посмотрел на восток, куда убегала молочная лента шоссе, проверил посты, растормошил кутающихся в одеяла солдат, заглянул к танкистам, пулеметчикам и только после этого облегченно вздохнул – еще одна ночь прошла спокойно, нападения не было. Этот КПП – последний перед Джелалабадом. Если душманы обойдут пограничный Турхам и проскочат Марко, единственным барьером станет Сорх-диваль. Его им еще ни разу не удалось взять, хотя попытки были, и весьма дерзкие.

В обычные дни по дороге проходит не более ста машин, а в пятницу – около четырехсот, и в каждой могут быть наркотики, диверсанты, оружие. Народу в этих автомобилях – не счесть, и у каждого надо проверить документы, осмотреть тайные закутки грузовиков, заглянуть в узлы и чемоданы. А времени в обрез: все спешат на базар, чтобы до темна вернуться обратно. После захода солнца дорога во многих местах контролируется душманами – Абдулсаттар покосился в сторону огромного «бедфорда»³⁰, сожженного в прошлую пятницу.

А вот и первый автобус. «Это свои, – обрадовался капитан, – даже флаг выставили».

– Ашукулла! – окликнул он контролера. – Кого знаешь в лицо, оформляй по-быстрому. Незнакомцев – ко мне.

– Есть, рафик капитан! – козырнул рядовой Ашукулла.

---

²⁸ Царандой – милиция.

²⁹ Джума – пятница, пятничная молитва. В переводе с арабского означает «собрание». Это день духовного возвышения и служения. Согласно хадисам пророка Мухаммада в этот день был сотворен первый человек – Адам. В этот день он вошел в рай и был изгнан из него. День Страшного суда также разразится именно в этот день.

³⁰ «Бедфорд» – английский военный грузовик повышенной проходимости.

Каждый пассажир получал въездную карту. Грамотные заполняли ее сами, неграмотным помогал Ашукулла. Потом он проверил удостоверения личности, багаж и совсем уже было дал зеленый свет, как вдруг к автобусу подошел капитан.

– Хасанджан, выйди-ка, – пригласил он бородатого пассажира.

Тот вышел.

– Как дела на ферме? Душманы не суются? – поинтересовался капитан.

– Последний раз мы им так дали по заднице, что пока не лезут, – не без гордости заявил бородач. – Нам бы пару пулеметов, а, капитан? Помоги. Тогда не надо ни одного солдата, малиши сами защитят и ферму, и кишлак.

– Поможем. А кто сидит у окна? Что-то я его не знаю.

– Так это Рахим. Он из кишлака Гушта. Наш человек, парень хороший, семейный.

– Хасанджан, твои слова надежней любого пропуска, – хлопнул его по плечу капитан. – Счастливого пути. Возвращайтесь засветло! – крикнул он вдогонку.

А потом подкатил огромный, расписанный всевозможными рисунками грузовик из Пакистана. В кузове какие-то мешки, тюки, ящики, а верхом на них – десятка три пассажиров. Тут уж досмотр стал куда придирчивее. Представители автоинспекции Хусейн и Саид занялись шофером, Ашукулла – пассажирами, а другие контролеры – грузом.

Владелец грузовика Садразам, из кишлака Хафридай, рассказал, что десять лет копил деньги, чтобы купить грузовик, и теперь все его благополучие зависит от того, будет груз или нет. Сейчас его подрядил купец из Пешавара Гульзар.

– Что везете? – спросил я Гульзара.

– Шерсть, – ответил он. – Продам шерсть, куплю одежду и немного обуви.

– Разве этого нет в Пакистане? – удивился я.

– Есть. Но очень дорого. К тому же пакистанские торговцы норовят ободрать пуштунов. Чтобы выжить, нам приходится держаться вместе, помогать друг другу, давать работу. Мне, например, и в голову не придет нанять не пуштунскую машину или слишком дорого продать ботинки соплеменнику.

– Так что вас держит? Возвращайтесь на родину.

– Это непросто, – вздохнул Гульзар. – Мы окружены не только добрыми людьми. К тому же наши матери, сестры, дети и жены – самые настоящие заложники. Попробуй кто-нибудь из нас не вернуться домой к завтрашнему утру – вырежут всю семью. Такие случаи уже были...

– Эй, Гульзар, – позвал его шофер, – капитан дает «добро», пора ехать.

Гульзар молодецки вскочил в кабину, помахал на прощание рукой и, подняв облако пыли, расписной грузовик помчался в Джелалабад.

Грузовики, автобусы, блестящие «мерседесы» и допотопные колымаги шли непрерывным потоком. Особенно живописно выглядели грузовики: люди сидели на кабине, на капоте, висели на крыльях.

И вдруг промелькнуло знакомое лицо! Тонкий нос, пронзительные глаза, клочковатая борода. «Неужели он? – мелькнула внезапная мысль. – Не может быть! Ведь машина идет из Пешавара, а он вроде бы в Кабуле. Но кто знает, что он задумал? Нет, это неразумно, – убеждал я себя. – Сперва в Пакистан, потом обратно – огромный риск. Зачем? Нет, это просто похожий на него человек», – решил я, провожая медленно удаляющийся грузовик. Но где-то у виска билась тонюсенькая жилка: а вдруг все-таки он?

Кто знает, к чему бы привели дальнейшие размышления, если бы ко мне не подошел интеллигентного вида пуштун в национальной одежде, одной рукой придерживая автомат, другой поглаживая усы. Некоторое время он решал, от какого занятия отказаться. Потом оставил в покое усы и протянул руку.

– Меня зовут Махмуд, – сказал он, улыбаясь. – Я секретарь уездного комитета партии. Приглашаю в мой родной кишлак Рудат. Увидите настоящий восточный базар.

- Это далеко? – поинтересовался я.
- Километров двадцать.
- А дорога?
- Днем она наша.

И вот мы мчимся на выдавшем виды БТРе по пыльной дороге, петляющей среди холмов. Все сидят на броне. Пыль, чад, жара, но внутрь никто не спускается. Раньше ездили внутри, но после того как несколько БТРов напоролись на фугасы – заложенные вместе две-три мины – мощным взрывом людей разорвало в клочья, и ездить стали на броне. Конечно, увеличилась опасность попасть под пулеметную очередь, но всех сразу срезать не удастся, а уцелевшие смогут броситься враспынную. Мы тоже не дремали. Каждый выбрал сектор наблюдения, направил туда автомат и был готов мгновенно открыть огонь.

Наконец показались дувалы, колодцы и глинобитные дома. Потом мы пересекли неширокую, но очень быструю речку и – стоп! Улицы так узки, что БТРу не проехать. Мы соскочили на землю и углубились в кишлачные переулки. Все, теперь мы от БТРа отрезаны, огнем нас, в случае чего, он не поддержит и рассчитывать придется только на самих себя.

Еще несколько шагов – и улица стала шире. А вот и довольно просторная площадь. Народу – тьма! Все кричат, торгуются, орут ишаки, хрипят верблюды, потерянно бегают овцы, кудахчут куры, плачут дети... На каждом шагу люди с автоматами.

Шестнадцатилетние Редван и Гулага стояли на небольшом взгорке и старательно делали суровые лица, но надолго их не хватило – ребята начали откровенно счастливо улыбаться. И было отчего, ведь сегодня взамен старых «буров»³¹ они получили новенькие автоматы. Теперь Редван и Гулага полноправные малиши, и на пост их поставил сам туран, то есть капитан, Гулабзал.

А Гулабзал больше всего был озабочен безопасностью кишлака. В день джумы люди могут потерять бдительность, а душманы только этого и ждут... Полгода назад душманы ворвались в кишлак, взорвали несколько домов, но так увлеклись грабежом, что не заметили, как малиши отрезали им путь к отступлению. Бойня была страшной! Больше «духи» сюда не суются, но, конечно же, затаили злобу и ждут момента, чтобы отомстить.

Жаждают мести и жители Рудата: двести односельчан лежат на кладбище. На каждой второй могиле нет флага, означающего, что погибший отомщен. Так что агитировать в малиши никого не надо: все мальчишки с нетерпением мечтают подрасти и получить автомат.

А базар кипел! Когда закончились занятия в школе, шум стал еще сильнее – десятка три ребятишек ворвались на площадь. До чего же они любили фотографироваться! Лалпур, Абдулла, Хожаной, Вафи, Салим, Фазил окружили меня и требовали, чтобы я их снял на фотоаппарат. Я щелкнул – и ребята разошлись, но никто даже не намекнул на возможность получения фотокарточки.

И тут со мной приключилась дикая нелепица. А всему виной любопытство. В двух шагах от меня продавали верблюдов. Я познакомился с продавцом.

- Шах-Вали, – степенно протянул он руку.
- Очень приятно, – церемонно ответил я и, чтобы избежать долгой паузы, спросил. – Почему товар?
- Шутур?³² Он совсем молодой.
- Да я не о возрасте, а о цене.
- Пять лет. Всего пять лет живет этот шутур под благословенным небом Афганистана, – гнул свое Шах-Вали. – А протянет до сорока, а то и до сорока пяти.
- Каких там пять?! Ему лет десять! – клянул я. – Зубы вон какие желтые.

---

³¹ Афганское прозвище английских магазинных винтовок «Lee-Enfield» образца 1904 года.

³² Шутур – верблюд.

– Желтые?! – взвился хозяин. – Разве это желтые? Смотри! – распахнул он верблюжью пасть до самого горла. – Все зубы на месте. А желтые оттого, что колючка в наших краях пыльная. Зато горб! Ты, смотри: как акулий плавник! Нет, ты потрогай, потрогай.

Я подпрыгнул и шлепнул верблюда по довольно рыхлому горбу.

– Ну что?! – торжествующе завопил Шах-Вали. – И как я буду жить без тебя, кормилец ты мой ненаглядный?! – запричитал хозяин, вполглаза наблюдая за мной. – Все, бери! – протянул он уздечку. – Отдаю за пятьдесят тысяч афгани.

– Что-о?! – теперь уже взвился я. – Пятьдесят тысяч за этого дромадера?! Был бы хоть двугорбый, а то инвалид какой-то!

– Инвали-и-ид?! Это мой-то шутур инвалид? – зашипел Шах-Вали. – Да он богатырь! Когда чует еду, то бежит быстрее арабского скакуна. Ну ладно, – крикнул хозяин, – раз ты такой привереда, раз для тебя главное – не благородное происхождение, а количество горбов, бери за сорок пять.

– Да будь он хоть трехгорбый, сорока пяти тысяч этот шутур не стоит. Лодыжки вон все сбитые, – кивнул я на верблюжьи ноги.

– У меня тоже сбитые, – задрал штаны Шах-Вали. – У нас тут кругом камни, а сапоги верблюдам не дают.

Вокруг нас собралась толпа. Шурави торгуется из-за верблюда – такого здесь еще не видели. А меня будто черт за ниточку дергал, и я продолжал торг. То глаза мне не нравились, то хвост, то облезлая шкура. В конце концов я сбил цену до тридцати пяти тысяч.

– Сдаюсь, – махнул рукой Шах-Вали. – Дети меня проклянут, жена выгонит из дома, но пусть радуются и поют от счастья твои родные.

Он протянул мне уздечку. Я вообразил, как поднимаю в лифте верблюда, как веду через квартиру на балкон и с высоты десятого этажа знакомлю его с родными Сокольниками. Но когда представил реакцию жены и детей, понял, что жить нам с верблюдом придется где-нибудь под мостом через Язу.

Слава богу, подбежал Гулабзал и шепнул ни в коем случае не брать уздечку: если взял, значит, сделка совершена. Я с грустью посмотрел на верблюда. Честное слово, он мне стал нравиться. Тут до меня дошло, что игра зашла слишком далеко. Но Шах-Вали было явно не до шуток. И тогда я нашел решающий аргумент:

– У нас есть пословица: за морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Доставка, дорогой Шах-Вали. Все дело в доставке. До моего кишлака верблюд не дойдет, а в самолет его не пустят.

– В самолет? Да... не пустят. Не уместится там шутур, никак не уместится.

– Вот видишь. А пешком не дойдет.

– Далеко?

– Очень далеко.

– Тогда будь здоров. Извинись перед женой. Скажи, что не я, а ты виноват в том, что любимую женщину лишил такого подарка. Ни у кого такого нет, а у нее мог быть.

Потом мы почти до вечера бродили по кишлаку и даже съездили на прекрасно оборудованный пост, который прикрывал подходы к Рудату со стороны ущелья. Солнце стремительно катилось за горы. Темнело здесь почти сразу после захода, поэтому Махмуд, как бы извиняясь, сказал:

– Если гости хотят, то могут здесь заночевать. Но если думают уезжать, то сейчас самое время, иначе засветло не успеют добраться до контрольно-пропускного пункта.

Через пять секунд мы были на броне. И тут подошел Гулабзал. Он вел за руки двух грустных мальчиков лет семи.

– Сыновья? – спросил я.

– Сыновья, но не мои. Друга моего сыновья! Он погиб. И его жена погибла. Так что эти ребята сироты. Я договорился, чтобы их взяли в «Ватан» – есть в Кабуле такой детский дом.

Мне уезжать нельзя – надо мстить за друга, а в Джелалабаде их ждут, чтобы отправить в Кабул. Может, подвезете?

Мы подхватили легоньких мальчишек на руки, закутали в бушлаты, порывшись в карманах, завалили леденцами и сдвинулись поплотнее, чтобы шальная душманская пуля не достала ребят.

БТР запылил по дороге. Мне вспоминался тот день, когда после посещения госпиталя и общения с искалеченными людьми, я думал, что застрахован от всякого рода потрясений. Но ближе к вечеру я испытал такой шок, что поделиться увиденным сразу – просто не было сил. Но я обещал об этом рассказать. Теперь – самое время.

«Ватан» – это «родина». Для многих сотен ребят родиной стал детский дом с таким названием.

Сначала меня повели в детсад – к детям от двухмесячного до годовалого возраста. Крохотные малыши сопят в кроватках, сладко чмокают во сне. Они еще не понимают, что круглые сироты, что имена им дали не родители, да они вообще никогда и не узнают, что такое родители... Они никогда не почувствуют сильных рук отца, взметнувших сына к небу, не ощутят материнской ласки. Сыты ребята будут, одеты будут, образование им дадут, ремеслу научат, но... они никогда не произнесут слов, с которых начинают все дети, они никогда не скажут «папа» и не скажут «мама». А вот ребята постарше, им года по два. Они чинно сидят возле своих кроваток и слушают маму Хафизу. Воспитательница не столько читает, сколько показывает им смешную сказку о муравье. Страшных сказок здесь не читают – дети и так напуганы до смерти.

Я пришел с двумя офицерами, сильными и мужественными людьми. Когда ребяташки увидели гостей, они, не обращая внимания на запрет Хафизы, вскочили с ковра, неуклюже переваливаясь, спотыкаясь и падая, бросились к нам и непостижимым образом вскарабкались на руки. Не раз глядевшие в глаза смерти офицеры беспомощно заморгали покрасневшими глазами. Но чтобы пуштун показал слезы – это немыслимо. Офицеры нашли выход: сгребли в охапку всю ватагу и понесли на лужайку.

Пяти– семилетние ребята спали – был тихий час. В спальню мы вошли на цыпочках. И разом раскрылись двадцать пар черных и карих глаз! Мальчики лежали тихо, некоторые по двое: с соседом не так страшно. Никто не вскочил, не побежал навстречу – порядок они уже знали.

Я подошел ближе. Ребята молчали. Но как они смотрели! Смотрели глазами столетних стариков, переживших потерю близких, видевших пепел родного очага, перенесших побои и издевательства. Глаза источали такую боль, что невольно сжимались кулаки. Довести детей до такого состояния! Нет такой казни, которую бы не заслуживали мерзавцы, искалечившие крохотные души!

Тринадцати– пятнадцатилетние подростки держались по-мужски сдержанно, говорили скупно.

Пятнадцатилетний Абдул Насер довольно прилично объяснялся по-русски. У него умное красивое лицо, он ухожен, аккуратен, хорошо владеет собой, говорит неспеша. Вот только руки выдают. Он все время ломает пальцы и словно что-то с них стряхивает.

– Мой отец Фаиз Мухаммад – мулла, – рассказал он. – Вернее, был им. Мы жили в кишлаке Фич. Ночью пришли душманы, стащили отца с постели и начали пытать: где старшие сыновья? Отец говорит: «Не знаю, где-то в Кабуле». «Врешь, свинья! Они офицеры и воюют против нас!» «Но я-то при чем? – недоумевал отец. – Они взрослые мужчины и сами выбрали свой путь. А я служу Аллаху!» «Сейчас мы тебе покажем Аллаха!» – закричали бандиты и начали его бить.

Он стонал, плакал, просил пощады. Мы с мамой тоже плакали и просили. Увидев нас, бандиты обрадовались: «Будешь вопить и не скажешь, как найти сыновей, уьем последнего

ценка». Тогда отец замолчал, встал и вышел во двор. Там его и застрелили... Быстрее бы вырасти! – вдруг тонко закричал Абдул. – Быстрее бы получить автомат!

– А в лицо ты тех бандитов помнишь? – спросил я.

– Еще бы! Они из нашего кишлака. Я и братьям о них рассказал. Нас семеро, мы создадим свой отряд и перебьем их. А заодно – весь поганый бандитский род! – шипяще добавил он и так сверкнул глазами, что стало ясно – этот подросток мстить будет беспощадно.

Тринадцатилетний Нек Мухаммад родом из Герата. У него красноватые белки глаз и неправдоподобно огромные зрачки.

– Здесь я чуть больше года, – почти шепотом говорит он. – У отца бандиты отняли жизнь, а у меня – глаза.

– Как... как это случилось? – с трудом сглотнул я ставший вдруг плотным воздух.

– Отец работал в поле. Пришли душманы и потребовали деньги. Отец сказал, что денег у него нет, он бедный дехканин. Тогда его загнали в дом и открыли огонь из гранатомета. Я был в одной комнате с отцом. Как его насквозь прожгло – это последнее, что я четко видел.

– А как ты учишься? Как пишешь и читаешь?

– Ребята помогают, – впервые улыбнулся Нек. – Здесь мы – братишки и сестренки. Почти все сироты, – добавил он внезапно посуровевшим голосом.

– Маухаммад Азам, – назвал себя щуплый, какой-то взвинченный мальчик. – Я узбек из кишлака Чукур-Гузар. Мой отец – душман.

– Душман? – не поверил я.

– Мой отец – душман, – продолжал Мухаммад. – После смерти мамы он хотел забрать меня с собой, но бабушка не отдала, сказала, что я слабенький и в горах умру. «Не умрет! – кричал отец. – Я из него сделаю борца за веру!» Тогда бабушка велела, чтобы он приходил завтра, надо, мол, собрать ребенка. А сама отвела меня в соседний кишлак. Оттуда меня переправили в Кабул.

– Мухаммад, – осторожно спросил я, – а если встретишься с отцом, что будешь делать?

– Скажу, что он мне не отец! Я буду с ним воевать! – сорвался на фальцет Мухаммад.

Мальчики живут жадой мести, считают дни, когда получат оружие, а девочки – они и есть девочки: Шарифа, Шахбиби, Митра, Макат. Им по двенадцать-тринадцать, а выглядят лет на восемь. Измученные старушечьи лица, потухшие глаза, опущенные плечи. Девочкам труднее.

Перед уходом я увидел в коридоре троих на редкость красивых мальчишек. Они что-то деловито обсуждали, но, заметив меня, вежливо поздоровались. Я погладил одного из них по голове. Мальчик вспыхнул и так горячо прижался к ладони, что мне стало неловко.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Муджиб Рахман.

– Откуда ты приехал?

– Я не приехал, меня привезли. И братьев тоже, – кивнул он на стоявших рядом. – А вообще мы из кишлака Займани. Наш отец – душман, – сузились глаза Муджиба.

– И что же... И как же? – растерялся я. – И друзья не ставят в укор, не упрекают, не презирают за то, что ваш отец душман?

– Он нам не отец! Мы станем офицерами и будем против него бороться. Мы убьем его!

Братья согласно кивнули. Вот вам и братишки... Как усложнила, как страшно все запутала жизнь! Фаиз мечтает перебить отцов и братьев своих кишлачных друзей, Нек будет мстить отцу Мухаммада, а Муджиб хочет убить собственного отца... А кому будут мстить эти крохотные ребята, которых мы везем на БТРе, прикрывая собой от шальной душманской пули?

Как ни ходко пылил бронетранспортер, мы поняли, что от темноты нам не уйти. Вскоре водителю пришлось включить фары. Теперь мы у душманов как на ладони. Выстрел из базуки³³ – и нам конец. Но до поры до времени Бог, как говорится, миловал.

Когда выбрались на асфальт и до Джелалабада оставалось километров пятнадцать, двигатель начал кашлять, а БТР дергаться и вздрагивать.

– Горючее на нуле, – пояснил водитель. – До города не дотянем. Надо свернуть к нашим. Неподалеку мотострелковая часть. И БТР заправим, и сами подзаправимся, – недвусмысленно намекнул водитель.

Ледяное молчание стало нашим ответом. Водитель понял, что его осуждают за головотяпство, и нашел аргумент, который сразил нас наповал:

– Хоть детей пожалейте, – с упреком бросил он.

Нам стало стыдно, и мы дружно закричали, чтобы он поворачивал к нашим.

---

³³ Базука – американское название динамореактивного (без отдачи при выстреле) ручного противотанкового гранатомёта (иногда ошибочно базукой называют любой гранатомёт).

Глава восьмая

Командир части искренне обрадовался гостям. Здесь вообще охотно распахивают души, а перед теми, кто недавно из Москвы, особенно. Когда помылись и поужинали, хозяева предложили заночевать. Мы слабо посопровтивлялись и сдались.

До чего же сладко спится на чистых простынях, да еще после настоящей русской бани! На дворе плюс пятьдесят, в парилке плюс сто, зато в бассейне вода ледяная. Выскакиваешь оттуда молодым и полным сил, хоть сейчас – снова на броню!

Только положили головы на подушки, как загрохотала артиллерийская канонада. Оказывается, уже рассвело, на часах пять тридцать, а завтрак, по распорядку, в шесть ноль-ноль.

– Что за стрельба? – забеспокоились мы.

– В «зеленке» зашевелились душманы. Артиллеристы их засекли и тут же дали прикурить, – как о чем-то само собой разумеющемся бросил командир.

Через пять минут я был у артиллеристов. Батарея стояла на берегу широкой бурной реки Кабул. Она стремительно несла свои бирюзовые воды в сторону города с таким же названием. До неблизких гор – буйная тропическая растительность. Это и есть печально известная «зеленка». Душманы спускаются в нее с гор – спрятаться там проще простого – и обстреливают кишлаки, дороги, подкарауливают заходящие на посадку самолеты и вертолеты.

– В «зеленке» душманам, конечно, вольготно, – заметил загорелый до черноты командир батареи. – Но мы ведем за ней постоянное наблюдение. Видите, как обгорели стволы орудий, стрелять приходится часто. А понапрасну снаряды мы не расходует.

– Я слышал, они палили из миномета. Вы его накрыли?

– А как же! – вздернул подбородок командир. – Можете посмотреть, – протянул он мне бинокль.

Мощный артиллерийский бинокль сделал все неправдоподобно близким. На противоположном берегу – а кажется, совсем рядом – брошенный кишлак: разрушенные дома, вывернутые с корнем деревья, глубокие воронки. А вот и куча покореженного железа, что раньше называлась минометом.

– Командир, к телефону! – раздалось из окопа.

– Бегу.

Вернулся командир сильно расстроенным. Почертыхавшись, хлопнул себя по бедрам, воскликнул: «Ну, надо же!» – и извиняющимся тоном сказал:

– Нужен узик.

– А что случилось?

– Чепэ! В соседнем подразделении один ефрейтор снаряжал гранаты. Как это произошло, не знаю, но взрыватель сработал в его руках.

– Он жив? – закричал я. Мне казалось, что если я оглушен канонадой, то и другие ничего не слышат.

– Жив. Но надо побыстрее доставить его в медроту. Потому и просят вашу машину, других поблизости нет.

...Ефрейтора звали Володей. Он сидел на камне и на отлете держал левую руку. Кисть – кровавое месиво. Пальцы – будто бритвой отсекло.

– К-как же это ты? – выдавил я.

– А черт его знает! – совершенно спокойно, даже беспечно, ответил ефрейтор. Потом помолчал и добавил: – Хорошо, хоть гранаты не рвануло.

Я присмотрелся к Володе. Глаза ясные, лицо не перекошено, губы не дрожат, речь четкая – то ли он в шоке и не чувствует боли, то ли не осознал, что произошло, то ли у него такая

невероятная сила воли. Безо всякой суеты, не забыв прихватить автомат, он сел в машину и как-то буднично бросил знакомому шоферу:

– Давай, Санек, трогай.

Побледневший Санек так рванул по ухабам, что, казалось, через секунду мы оказались в медицинской роте. Володей тут же занялись врачи.

Представьте чистый уютный дворик, закрытый от жары маскировочной сетью. А на скамеечке чинно сидят три богини в хрустящих белых халатах и кокетливых шапочках.

– Девушки, кто вы? – не без робости спросил я.

– Мы-то? – лукаво переглянулись они. – Мы – медсестры.

– А я...

– Да знаем мы, кто вы, – перебили меня девушки. – Вся округа знает, что в части – гость из Москвы.

– Ну, не совсем гость, – обиженно начал я.

– Раз не проверяющий, значит, гость, – засмеялись медсестры.

Так мы познакомились. Оказалось, прекрасные веселые девушки, если надо, сутками не выходят из операционной, неделями дежурят у коек раненых, охотно отдают им свою кровь.

– Раньше я жила в большом городе, – рассказала Люда, – работала в кардиологическом центре, возилась в основном с сердечниками, тихими, пожилыми людьми, надорвавшими сердце на руководящей работе. Разговоры только об одном: кого куда назначат и что это даст. Надоело! Пошла в военкомат и прямо с порога заявила: хочу в Афганистан – лечить тех, кто ранен в бою.

– А я работала в областной больнице, – подхватила Наташа. – Лежал у нас офицер, раненый в Афганистане. Слушала я его, слушала... – и поняла, что мое место здесь. Тут чувствуешь себя по-настоящему нужной.

– А чего стоит отвечать на письма родителей тех ребят, кто не может писать, – вздыхает Люда. – Ребята сочиняют бодрые письма, выдумывают всевозможные небылицы, почему написано не их рукой: занозил, мол, палец, трудно держать ручку... Сегодня утром я писала за одного такого сержанта, Сергея.

– Мировой парень. – добавила Катя. – Он уже несколько дней на грани жизни и смерти, но все время шутит и нас поддерживает. Когда мы от усталости валимся с ног, грозит, что когда поправится, девушек с такой походкой, как у нас, на танцы не пригласит. Мы, конечно, делаем вид, что этим расстроены и начинаем вальсировать перед ним, как заправские балерины.

Когда я встретился с капитаном медицинской службы Валерием Колесниковым и попросил рассказать о перспективах Сергея вернуться в строй, он ответил не сразу. Полистал какие-то бумаги, посмотрел рентгеновские снимки, досадливо побряхтел, хлебнул чего-то из мензурки и начал издали:

– Понимаете, в моей практике это первый случай. Парня привезли с ранением в подколенную впадину – вроде бы пустяк, а он весь белый, пульс нитевидный и еле дышит. Делаем переливание крови, часть ее дали другие раненые, часть – наши медсестры – а она куда-то пропадает, будто у сержанта внутреннее кровотечение. Если это так, то должна быть еще одна рана, а у него – ни царапины, – пододвинул он мне снимки. – И все же я решился на операцию, – продолжал капитан. – Вскрыл брюшную полость, а там полным-полно крови и вот этот осколок, – доктор протянул мне железяку величиной со спичечный коробок. – Но как он туда попал? Оказалось, Сергей сидел в БТРе, который напоролся на мину. Осколок пробил днище, попал в бедро, внутри него прошел через таз и в брюшной полости натворил таких бед, что я долго не знал, спасем ли парня. Теперь уверен: спасем!

– Да, Сережа наш кровный брат, – подхватила вошедшая по делам Люда.

– А поговорить с ним можно?

– Можно. Только он вас не услышит. Сейчас сержант в барокамере.

И все же я с Сергеем пообщался. Через толстое стекло виднелось только его лицо. Измученное, несчастное лицо девятнадцатилетнего паренька. Я писал на бумаге свои вопросы – такие, на которые можно ответить кивком головы. Хорошо ли себя чувствует? Кивок. Навещают ли друзья, есть ли аппетит? Да. Хочет ли домой? Энергичное нет! И крепко сжатый кулак. Если человек, лежа в барокамере, считает дни до того момента, когда снова возьмет в руки автомат, значит, суждено ему жить.

Сестру-анестезиолога Таню я застал в слезах. Как ни успокаивал, в ответ – одни рыдания.

– Что-нибудь случилось дома? – спросил я.

Таня отрицательно покачала головой.

– Кто-нибудь погиб?

– Не погиб – у-умер! – снова зарыдала Таня. – Наша доченька...

Наконец Таня совладала с собой и рассказала, как месяц назад в соседнем кишлаке молодая женщина шла по улице с двухгодовалой дочкой и наступила на душманскую мину. Мать – в ключья, а девочку так изрешетило осколками, что живого места на ней не осталось. Врачи и медсестры ночей не спали: операции, переливания крови, снова операции.

Девочку называли Ирой. Иногда она приходила в себя, улыбалась и что-то лепетала. Раненые, взглянув на нее, уходили с почерневшими лицами и вздутыми желваками, у медсестер не просыхали глаза... И вот сегодня Ирочки не стало.

Вдруг Таня насторожилась и подняла палец:

– Тихо. Кажется, поют.

– Поют, – подтвердил я. – Только не в лад как-то...

– Раз поют, значит, боль терпеть нет никаких сил. Пошли! – решительно встала она. – Подпоем.

В соседней палате в гипсе и бинтах лежало трое.

– «По До-ону гуляет казак молодой», – хрипло выводил паренек у окна.

– «О чем... дева... плачешь?..» – часто сглатывая воздух, старался сосед.

– «О чем слезы льешь?» – подхватила Таня чуть ли не оперным контральто, и что-то вроде улыбок появилось на измученных лицах ребят. Нестройный хор стал сильнее, стройнее и слаженнее. Таня ходила от кровати к кровати: одному поправит одеяло, другому – повязку, третьего погладит по голове.

Когда я вышел во двор, то увидел привезенного нами ефрейтора. Его руку уже обрабатывали. Бинты намотали так щедро, что кисть превратилась в боксерскую перчатку.

– Ничего, – успокоил он меня. – Доктор сказал, в строй вернусь.

– Конечно, вернешься, – подтвердил стоявший рядом капитан. – Но Татьяна-то какова, а?! – обернулся он ко мне. – Когда раненые кричали от боли, она их стыдила, мол, таких нытиков ни одна девушка не полюбит. «Но ведь больно же, – оправдывались ребята. – Что делать?» «Пойте!» – предлагала она, и тут же заводила что-нибудь лихое, раздольное. Вы не поверите, но наши парни так к этому привыкли, что даже на операционном столе, нет-нет, да и выдают что-нибудь про степь или бродягу.

По большому счету, побывав в медицинской роте, я узнал достаточно много и, в принципе, мог уезжать. Я бы и уехал, если бы не роковое стечение обстоятельств.

Со стороны солнца неожиданно появился вертолет, сделал небольшой круг и приземлился чуть ли не во дворе медроты. Выскочившие солдаты отработанной рысью побежали к стоявшему на задворках сараю, вытащили оттуда длиннющий ящик и, прогибаясь под его тяжестью, двинулись назад к вертолету. Следом метнулась девичья фигурка, облаченная во все черное. Она то царапала, то целовала ящик и сквозь слезы кричала так, что ее не мог заглушить даже вертолетный двигатель. Все, кто находились во дворе, замерли.

– Что происходит? – не понял я. – Что это?

– «Груз 200», – сквозь зубы пояснил капитан. – Проще говоря, гроб. Третьего дня мы потеряли молодого лейтенанта. Вертолет доставит его в Кабул, оттуда, уже в цинковом гробу, в Ташкент, а потом – на родину, где его и похоронят.

– Ах, вот как... Извините, я этого не знал. А что это за девушка в черном? Жена или невеста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.